

Ударение в языках парачи и ормури в связи с афганским и его значение для иранской реконструкции¹

В статье рассматриваются проблемы соотношения акцентуационных систем пушту, парачи и ормури и их отношение к исходной праиранской системе акцентуации. Исследования материала афганского языка (пушту) показали, что система ударения в нем сохраняет следы индоиранского состояния, то есть окситонированные именные и глагольные основы пушту соответствуют окситонированным и баритонированным основам в ведийском и в праиранском. В данной работе учитывается имеющийся материал парачи и ормури, который можно напрямую сравнить с материалом пушту. В результате сравнения устанавливается, что акцентуационные системы пушту, ормури и парачи определенно указывают на историческую идентичность акцентуации, хотя отдельные лексемы в изучаемых языках образованы с помощью различных суффиксов.

Если учесть тот факт, что именно с рядом восточноиранских языков, сохраняющих следы исторического ударения, у ормури и парачи имеются многочисленные лексические и морфологические изоглоссы, можно считать схождение парачи и ормури с афганским в строении акцентологической системы дополнительным аргументом в пользу их восточноиранского происхождения.

Ключевые слова: парачи язык; ормури язык; пушту язык; ударение; ударение по контрасту; праиранский язык; древнеиндийский язык; праиндоевропейский язык.

Реконструкция праиранского ударения имеет долгую историю. В начале XX в. А. Мейе выдвинул гипотезу, согласно которой в древнеперсидском языке ударение в сущности напоминало ударение классического латинского, когда оно падало на второй слог от конца в том случае, если он был долгим, и на третий слог от конца, если он был кратким, а в дальнейшем конечные заударные слоги отпали (Meillet 1900: 256–257). Данное правило было расширено и применено к другим западноиранским и восточноиранским языкам учеником А. Мейе Р. Готьё (Gauthiot 1916, Gauthiot 1914–1923: 29–38) и поддерживалось в ряде работ Е. Куриловичем (Kuryłowicz 1958; Kuryłowicz 1964; Kuryłowicz 1975).

В 1920-е годы важные наблюдения были сделаны относительно истории ударения в осетинском (Абаев 1924) и согдийском, для которого П. Тедеско сформулировал «ритмический закон» (Tedesco 1926), в дальнейшем уточненный И. Гершевичем и Н. Симс-Вильямсом и в последнее время Л. Новаком (Gershevitch 1949; Gershevitch 1954; Sims-Williams 1984; Novák 2013). Закон заключается в том, что «в истории согдийского языка важную роль играл фактор тяжелых и легких основ: тяжелые основы, состоящие из слога с долгим гласным или с кратким, но закрытым двумя согласными, а также состоящие из нескольких слогов (длительность гласных в последнем случае нерелевантна), перетягивали на себя ударение, падавшее первоначально на флексию, т. е. на последние слоги; в словах с легкими основами этого не происходило» (Эдельман 1985: 75–76). Необходимо отметить, что время действия данного закона не может относиться к наиболее древней эпохе: согдийский отличается от близкородственного ягнобского тем, что в последнем не действует ритмический закон, и Л. Новак называет это одной из значительных отличий

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-112-50396.

тельных черт ягнобского по сравнению с согдийским, относя действие данного закона к III этапу развития согдийской системы акцентуации (Novák 2013: 76).

Но наиболее интересные результаты были получены в связи с изучением ряда живых восточноиранских языков, прежде всего афганского (пушту).

Как известно, афганский язык отличается от всех других иранских языков характером ударения, которое является силовым и разноместным (Грюнберг 1987: 38). Существует специальное монографическое исследование синхронного состояния ударения в пушту (Ве́йка 1969). Уже в 1942 г. Г. Моргенштерне предположил, что в пушту сохраняются рефлексы более древнего типа акцентуации, напоминающие в общих чертах систему, засвидетельствованную в ведийском языке (Morgenstierne 1942: 95–97); в том же году В. Хеннинг независимо отметил ряд случаев сохранения старого индоиранского ударения (идентичного по месту с ведийским) в различных языках западной и восточной групп (Henning 1942: 52–53).

По-настоящему убедительные и проработанные результаты были получены в 1970-х гг. В. А. Дыбо, который в публикации 1974 г. «Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской этимологии» по возможности полно описал именные основы афганского с точки зрения ударения (Дыбо 1974). На основании обширного материала автор пришел к выводу, что все именные основы могут быть поделены на баритонированные и окситонированные и место ударения в них совпадает с местом ведийского и праиндоевропейского ударения. Это касается и производных основ с суффиксом **-ka*, которые характеризуются ударением «по контрасту»; по формулировке автора, «непроизводные с точки зрения современного языка афганские имена на *-au* делятся на два акцентных типа: тип А с ударением на корне и тип В с ударением на основообразующем форманте. Сравнение показывает, что в тип А входят главным образом имена, образованные от индоиранских окситонированных основ, в тип В — имена, основанные от индоиранских баритонированных основ» (Дыбо 1974: 90). Аналогичным образом были устроены производные в ведийском языке (Дыбо 1974: 102–105). Кроме того, для индоиранской реконструкции именно афганское ударение имеет большое значение также потому, что в ряде случаев древнеиндийское ударение по месту отклоняется от индоиранского и праиндоевропейского (это касается прежде всего прилагательных и причастий), а афганское сохраняет следы более архаичной индоевропейской системы акцентуации (Дыбо 1974: 75–77). Во второй части обсуждаемой работы, опубликованной на 15 лет позже, В. А. Дыбо показал, что распределение ударения в системе презенса в афганском также указывает на изначальное различие баритонированных и окситонированных основ, а также на сложную и достаточно стройную систему акцентуации глагольных форм с энклитиками, в частности с *na* 'не' (Дыбо 1989). Кроме того, в 1972 году В. А. Дыбо кратко описал реликты разноместного ударения в языке йидга (Дыбо 1972: 43–44), а также в дардских языках дамели и ши́на (Дыбо 1972: 38–42). Более подробный разбор ударения в языке ши́на, а также дамели в сравнении с индоиранским и индоевропейским состоянием был позднее опубликован в статье Дыбо 2011.

Результаты работ В. А. Дыбо были в целом приняты советскими иранистами и послужили базой для акцентологических описаний афганского в таких работах, как Грюнберг 1987 и Грюнберг & Эдельман 1987; они широко цитируются при разборе соответствующей лексики в «Этимологическом словаре иранских языков» (ЭСИЯ). Помимо этого, в свете новых данных проблема была еще раз рассмотрена Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1973; Morgenstierne 1983) с привлечением дополнительного материала.

Предпринимались попытки описать афганское ударение и его историю другим образом. Л. Г. Герценберг предложил рассматривать афганское ударение в рамках кон-

цепции, напоминающей применявшиеся ранее для описания исторического развития акцентуации в древнеперсидском и особенно в согдийском: автор постулировал различие тяжелых и легких основ в восточноиранском и полагал, что в истории пушту в двухсложных основах ударение перемещалось на конечный тяжелый слог в том случае, если первый был кратким, и оставалось на тяжелом в том случае, если первый был тяжелым (Герценберг 1981; Дыбо 1990: 10–11). Но В. А. Дыбо отметил в критической статье, что «ритмическая концепция Герценберга» не выдерживает проверки фактами и оказывается избыточной «в связи с полной тождественностью системы афганского разноместного ударения ведической» (Дыбо 1990: 12). Также стоит еще раз отметить, что «ритмический закон» согдийского относительно позднего происхождения и не может быть проецирован на праиранский или правосточноиранский уровень², что является дополнительным аргументом против подобной гипотезы.

Дж. Ченг в своей статье, специально посвященной ударению в пушту, также частично отвергает объяснение, предложенное в серии работ В. А. Дыбо (Cheung 2009). Автор также критически рассматривает концепцию Л. Г. Герценберга, отмечая, что деление на тяжелые и легкие слоги, предложенное последним, выглядит произвольным (Cheung 2009: 111), и после рассмотрения материала предлагает свою достаточно сложную систему описания двух-, трех- и четырехсложных форм в афганском.

Согласно Дж. Ченгу, для двухсложных форм надо различать 4, а для трехсложных — 3 случая последовательности кратких и долгих слогов, что влияет на ударение:

1. Последовательность $\checkmark \checkmark$: *orá* ‘облако’ < *abrám, *nar* ‘муж, мужчина, самец’ < *nára-, *psá* ‘овца’ < *paśú-.

2. Последовательность $\checkmark \checkmark$: *as* ‘конь’ < *áswa-, *gwaǵ* ‘ухо’ < *gáuša-, *nən* ‘сейчас’ < *nūnám, *skam* < *skambá-, прилагательные *mər* ‘мертвый’ (< *múrdu < *mṛtú) < *mṛtám (sic!), *pəŋ* ‘полный’ (< *púrnu < *pṛnú) < *pṛnám (sic!), *kuṛ* ‘глухой’ < *karná-, *stər* ‘большой’ < *sturá-, *um*, *om* ‘сырой’ < *āmá-, *yaŋ*, *yow* ‘один’ < *aiwá-, *žər* ‘быстрый’ < *ǰrā-.

3. Последовательность $\checkmark \checkmark$: *mla* ‘поясница’ (< *melá) < *máidyā-, *niná* ‘поджаренное зерно’ (< *lená) < *dānyā-, *p(ə)lá* f., pl. *p(ə)lé* (< *pēlá) ‘жила, нерв’ < *páidyā-.

4. Последовательность $\checkmark \checkmark$: ср. *áspa* ‘лошадь, кобыла’ < *áswā-, *lúma* < ‘силос, петля’ < *dāmā-, *yaŋwá* ‘один’ < *aiwā- и т. д.

В связи с этим формулируются три правила.

а. Старое ударение удерживается в словоформах с двумя легкими слогами.

б. Ударение падает на тяжелый слог в словоформах с одним тяжелым и одним легким слогом вне зависимости от места первоначального ударения (последовательности 2–3).

с. Старое ударение удерживается в словоформах с двумя тяжелыми слогами.

Для трехсложных словоформ:

1. Последовательность $\checkmark \checkmark \checkmark$: *bən* ‘одна из жен; жена многоженца по отношению к другим’ < *haráθni-, *gúta* ‘палец’ < *anguštá-, *ǰən* ‘девушка’ < **ka'níni*- (с промежуточными ступенями вида *nǰən < *čnən, ср. NEVP: 37).

2. Последовательность $\checkmark \checkmark \checkmark$: *dwólas* ‘двенадцать’ < *dwádaša-, *zyaŋ*, *zyáŋa* ‘желтый’ < *zárita-, *záritā- (с предполагаемой ранней потерей второго слога).

3. Последовательность $\checkmark \checkmark \checkmark$: *awá* ‘семьдесят’ < *haptaiti-, *calór* ‘четыре’ < *čaθwárah.

Соответственно, на основании этих случаев выводится одно правило:

а. Ударение в трехсложных словах обычно падает на предпоследний слог, за исключением тех случаев, когда ударение изначально падало на сильный начальный слог (Cheung 2009: 117–118).

² Здесь следует отметить, что сама реконструкция правосточноиранского вряд ли возможна, поскольку есть сомнения в том, что восточноиранские языки восходят к одному праязыку (Korn 2016; Korn 2019).

При внешней привлекательности и схематичности правила, приведенные Дж. Ченгом, сопряжены со следующими проблемами.

Во-первых, невозможно согласиться с объяснением случая 2 для двусложных форм по следующим причинам. Трактовка первого слога в прилагательном *rāṇi* ‘полный’ (< *rūrnī < *rūrnī) < *rūrnāt как тяжелого предполагает, что первый слог стал считаться долгим по положению после возникновения сочетания *-rC* (Cheung 2009: 114; Cheung 2011: 187). Но в таком случае праформа женского рода *rūrnā неизбежно должна подчиняться правилу с. и реализовываться как #*rāṇā*, в то время как реальная форма — *rāṇa* ‘полная’; в то же время в женском роде ударение на последнем слоге имеют формы таких прилагательных, как *sur*, ж. р. *srā* ‘красный, алый; румяный’ и т.д. (Дыбо 1974: 81). Первоначальную акцентуацию показывают также кельто-италийские данные: ирл. *lán* ‘полный’, др.-валл. *laun*, валл. *llawn*, корн. *luen*, *leun*, *len*, брет. *leun* ‘полный’; лат. *plēnus* ‘полный’ < **pl̥h₁-no-* (Дыбо 2007: 15; Трофимов 2019: 343–344), соответственно, действие закона Хирта в праславянском³ не исключает реконструкцию с баритонезой. Можно привести также такие исключения, как *wāna* ~ *wīna* ‘дерево’ < **wānā-*, начальное ударение которого Дж. Ченгу приходится объяснять как результат аналогического переноса из композитов вроде *xa-wīna* ‘оливковое дерево’ (Cheung 2009: 115), что не кажется правдоподобным. Наконец, в афганском есть ряд форм вроде *cārmā* f. ‘сторона, граница’ < *čarmā (NEVP: 18); *čāna* ‘наружная часть стены; защита’ < *kān(y)ā*? (NEVP: 20)⁴; *γāna* ‘паук, тарантул’ < *γārnyā < **gārθn(i)yā-*? (NEVP: 32); *rāṇa* ‘орошение, ирригация’ < **r̥šnā-* (NEVP: 63), *stārga* ‘глаз’ < **st̥r̥kā-* (NEVP: 77), которые, при всей неясности их индоиранских праформ, очевидно нарушают правило Дж. Ченга для слов вроде *mā* ‘поясница’ (< *melā) < **māidyā*⁵.

На мой взгляд, поскольку все примеры, приводимые Дж. Ченгом для объяснения развития ударения в двусложных афганских формах, исчерпываются прилагательными и числительным *yaṭw*, *yo* < **aiwā-* ‘один’, можно думать о морфологическом объяснении. Парадигма прилагательных вроде *im*, *om* ‘сырой’ выглядит в пушту следующим образом: им. п. ед. ч. *im*, косв. п. *imá* < **āmāhya?*, мн. ч. *imá* < **āmāhah?* (Грюнберг & Эдельман 1987: 63). Можно думать, что значительная их часть утратила конечный зваракай⁶ в именительном падеже единственного числа, чтобы в парадигме продолжалось сохраняться различие между хотя бы двумя формами (хотя ср. *terá* ‘горький’ с полным совпадением всех трех форм). Вообще создается впечатление, что в пушту стандартные *a-основы утратили окситонезу, а окситонированные имена на зваракай, приводимые в статье В. А. Дыбо, все содержат в праформе *i, (*i*)*ya* или *u, *wa, имеют дублиеты в женском роде или являются *pluralia tantum*; более подробное обсуждение этой проблемы и список 14 перешедших в баритонезу окситонированных *a-основ приводятся в (Трофимов 2022: 115–117).

³ Закон Хирта предполагает оттяжку ударения в балтийских и славянских языках в окситонированных основах на предударный слог с не чередующимся по аблауту гласным или слоговым сонорным и последующим ларингалом (в традиционной трактовке на предударный слог с долгим гласным); впервые сформулирован в работе Hirt 1895.

⁴ Даже если принять предположение Дж. Ченга о заимствовании данного слова из перс. *čmah* (или близкой формы Cheung 2011: 175, 202), оно не отменяет наличия большого количества других контрпримеров.

⁵ Дж. Ченг считает, что кластеры вида *rC, *nC и *CC создают тяжелый слог, но при принятии его предположения неясно, почему кластеры *Cy в приведенных примерах не делают того же. Кроме того, примеры с ударением на начальном слоге в словах вида *čāna* встречаются в большем количестве форм.

⁶ В пушту зваракай (афг. *zwarakáy* ~ *zwarəkáy*) — звук среднего ряда и среднего подъема, огубленное шва, отдельная фонема. Обозначается в графике пушту отдельной огласовкой, в латинской транслитерации как *ə*, а в кириллической часто как *ъ*.

Соответственно, в афганском многие изначально окситонированные прилагательные мужского рода утрачивают конечный гласный по контрасту с формами косвенных падежей и множественного числа и уподобляются преобладавшим односложным баритонированным прилагательным; то же касается и числительного 'один', в котором **ya-* происходит из дифтонга **ai-* с нерегулярными изменениями и косвенный падеж которого в мужском роде — *yawá* (Грюнберг-Эдельман 1987: 67). Из этого ряда выбивается только форма *nāp* 'сегодня', но и в данном случае др.-инд. *nīpāt* 'сейчас, ныне' может как иметь вторичное ударение, ср. греч. *nūn* 'ныне, теперь', так и подчиняться общему правилу утраты окситонезы в *a-основах.

Примеры из третьей группы вроде *mā* 'поясница' (< *melā) < **māidyā-*, вопреки ожиданиям, не показывают следов первого тяжелого слога перед сочетанием согласных **-dy-*, что также наводит на мысль о том, что речь идет об исключениях другого рода.

Таким образом, модель, предложенная В. А. Дыбо, лучше отражает историческое афганское ударение и регулярно действует для двусложных форм: окситонированные и баритонированные основы пушту напрямую соотносятся с праязыковыми с незначительными поздними отклонениями от исходной модели.

Для трехсложных синкопированных форм утверждения Дж. Ченга могут быть в целом верны; впрочем, что наиболее важно, они не работают для производных на **-ka*, ср. афг. *zātau* 'зима' < **zīmaka-* и *pālay 'пешеход' < *pādika или **pādaka-* (Дыбо 1974: 90, 92), о которых автор вовсе не упоминает в связи со своим правилом, а ведь именно они показывают контрастную акцентовку и дополнительно выявляют тождество акцентуационных систем пушту и ведийского.

Соответственно, утверждение Дж. Ченга о том, что работа В. А. Дыбо 1970 года является «вряд ли чем-то большим, нежели списком форм пушту» (Cheung 2009: 109), является несправедливым: обращение к работам (Дыбо 1974; Дыбо 1989), вторая из которых даже не упоминается Дж. Ченгом, показывает, что они являются проработанным и наиболее адекватным описанием афганской акцентуации. Внимание, уделенное в них акцентуации производных основ и акцентуации глагольных форм презенса не только самих по себе, но и в энклитических группах, отчетливо показывает, что афганский сохраняет максимальное количество черт архаической праиранской акцентуации.

Определенную близость с афганским языком в отношении разноместного ударения среди иранских языков также демонстрируют языки ормури и парачи, два небольших иранских идиома, которые Г. Моргенштерне условно относил к «юго-восточным» иранским языкам (Morgenstierne 1926: 27–36; IFL-1: 8–13), отмечая, с одной стороны, особенности развития консонантизма, похожие на таковые в западноиранских языках (прежде всего переход *b, *d, *g > *b*, *d*, *g*), и, с другой стороны, многочисленные лексические изоглоссы парачи и ормури с восточноиранскими языками, особенно с афганским, мунджанским, ваханским и шугнанским. Обзор особенностей парачи и ормури можно также найти в работах Kieffer 1989 и Kieffer 2009. В. А. Ефимов описывает ударение в ормури и парачи следующим образом: «Ударение в ормури разноместное, неподвижное, силовое. Разноместный (или свободный) характер ударения в именах и глаголах проявляется в том, что в двусложных словах оно может находиться на любом слоге, в трех- и четырехсложных, число которых значительно уступает одно- и двусложным, — на втором, третьем или четвертом слоге от начала слога» (Ефимов 1985: 35; Ефимов 1986: 107–108). «Ударение в парачи динамическое, свободное (разноместное), подвижное. В двусложных словах падает либо на первый, либо на второй от начала слова слог. В многосложных словах, численно уступающих одно- и двусложным, ударение тяготеет к концу слова: *wāšēnā* 'петух', *rhawāṭé* 'расческа', *kasāngānḍ* 'одеяло'» (Ефимов 2009: 29).

В. А. Ефимов описал разноместное ударение в ормури и парачи в основном по той же схеме, по которой В. А. Дыбо описал афганское ударение, в серии работ. Специально ударению глаголов в ормури посвящена его статья Ефимов 1979, глагольная и именная акцентуация описаны в работе Ефимов 1985; в расширенном виде эти обзоры представлены в его монографии, специально посвященной синхронному и диахроническому описанию языка ормури (Ефимов 1986), а также в описании ормури (Ефимов 1991). Наконец, небольшой обзор системы акцентуации в парачи помещен в обзоре данного языка в серии «Основы иранского языкознания» (Ефимов 1997: 469–474).

Несмотря на то, что В. А. Ефимов пользуется исследованиями В. А. Дыбо и его терминологией, в том числе отмечает случаи контрастной акцентировки, он в недостаточной степени приводит в своих работах и монографии соответствия между ормури / парачи и афганским (практически никогда), а также с другими новоиранскими языками (в основном в качестве параллели приводятся формы авестийского и среднеиранских языков). Здесь также стоит отметить, что В. А. Ефимов относил ормури и парачи к северо-западным иранским языкам, что приводит к тому, что он чаще цитирует курдские или белуджские формы, чем афганские или, например, мунджанские. Основные аргументы автора — развитие ряда фонем и сочетаний согласных, общих для ормури и парачи и северо-западных иранских языков. Это следующие особенности звукового развития:

- 1) Праир. **b-* > орм. *b-*;
- 2) Праир. **d-* > орм. *d-*;
- 3) Праир. **g-* > орм. *g-*;
- 4) Праир. **č-* > орм. *ž/z* (лог. *ž*, кан. *z*).

Далее автор упоминает отражение «древнеиранских **z/*d*, **s/*θ* и **sp* соответственно как орм. *z*, *s*, *sp*» и «отражение ир. **θr/*θr* как лог. *š*, кан. *š̄* (*r̄*)» (Ефимов 1986: 9–10; Ефимов 2011: 6–7).

Такое положение вещей приводит к тому, что сопоставление акцентуационных систем афганского и ормури и парачи осложняется: необходимо искать этимологические соответствия и затем сопоставлять ударение в родственных формах. Оценить даже примерное количество соответствий в таких условиях представляется сложной задачей.

В одной из своих предыдущих работ (Трофимов 2018) я рассматривал возможность оценки места парачи и ормури среди иранских языков на основании сравнения аннотированных 110-словных списков Сводеша для ормури и парачи с реконструированным иранским прасписком и пришел к выводу, что эти языки однозначно показывают большую близость к восточноиранским языкам (или — лучше сказать — языкам, которые относят к восточным по традиционной классификации). Также были отмечены совпадения в месте ударения между несколькими основами афганского и ормури и парачи.

В работе Трофимов 2021 исследовалось ударение множественного числа именных основ парачи с формантом *-ān*. Удалось установить, что распределение ударных и безударных окончаний в целом соответствует праиранским баритонным и окситонным основам. В связи с этим данные парачи также приобретают особое значение для реконструкции праиранского ударения; далее в статье в тех основах, которые имеют окончание множественного числа *-ān*, эти формы указаны и обсуждаются.

В настоящей работе я представляю список соответствий между основами афганского языка, ормури и парачи с необходимыми комментариями, в основном следуя по порядку за материалом, изложенным в работах Дыбо 1974 и Дыбо 1989). Формы афганского были проверены частично по словарю Асланов 1966, частично по этимологическим словарям пушту (EVP; NEVP). В записи афганских форм я в основном слеую В. А. Дыбо. После афганской формы/форм приводятся формы канигурамского и логарского диа-

лектов ормури, а затем формы парачи в записи В. А. Ефимова (Е), Дж. Грирсона (G) и Г. Моргенштерне (M) при опоре в основном на описания IFL-1; Ефимов 1986; Ефимов 1997; Ефимов 2009; Grierson 1918. По возможности для этимологического отождествления основ привлекались данные ЭСИЯ, EVP, NEVP, Cheung 2007 и других этимологических исследований.

I. Имена

I.1. Barytona

I.1.1. *ā-основы

1. Афг. *wrāža* f. ‘блоха’ — орм. кан. Е *šʳrak*, мн. ч. *šʳračī*; парачи М *ruč* ‘блоха’ (Дыбо 1974: 72; Ефимов 1986: 156; IFL-1: 283, 409; ЭСИЯ 3: 79–80; NEVP: 89).

Индоевропейская праформа *(s)b^hlúseh₂-, реконструируется на основании греч. ψύλλα (< *b^hsúl-), лит. *blusà*, род. п. *blūsos* (2), праслав. *blъxá*, вин. п. *blъxó* ‘блоха’, причем греческие и балто-славянские данные указывают на баритонезу (Дыбо 1974: 72). Также восстаиваются различные видоизмененные праформы с различными метатезами вроде *pusl- на основании лат. *pūlex*, -icis и алб. *plesht* (IEW: 102). В данном случае возведение афганских форм к праир. *frúšā-, которого придерживается В. А. Дыбо для объяснения афг. *wrāža*, может быть недостаточно обосновано. Г. Моргенштерне отмечает параллельную форму из восточных диалектов *wrāžīye* и выводит ее из *frúšiyā (возможно, *frúšī + ā), соответственно, *wrāža* — *yā-основа, видоизмененная под влиянием рифмующегося *spāža* ‘вошь’ (NEVP: 89). Для парачи *ruč* наиболее ожидаемо видеть праформу *fru(šā)-čī- с конечным ударением по контрасту (особенно похоже язг. *f(ə)rəš* ‘блоха’), а ормури *šʳrak*, по всей видимости, продолжает праформу *frušaká- (ср. йидга *frīyo* < *frúši-kā*-) с ожидаемой контрастной акцентуацией *frúšā- > *frušāká- (ЭСИЯ 3: 80).

Таким образом, несмотря на различия в образовании основ, надежно устанавливается первоначальная праиранская баритонеза.

Интересно отметить, что данная основа ограничивается исключительно восточноиранскими языками, ср. (IFL-1: 12); соответственно, она может служить дополнительным аргументом в споре о месте парачи и ормури среди иранских языков.

2. Афг. *áspra* f. ‘лошадь’ — орм. кан. Е *yāsp*, G *yāsp*, f. Е *yáspa*; лог. Е *yāsp*, М *yāsp* ‘лошадь’; парачи Е *ōsp*, М *ōsp* ‘лошадь’, pl. Е *asp*, *ōsprān* и *asprān* (Дыбо 1974: 72; Ефимов 1986: 109; Ефимов 2009: 224; IFL-1: 236, 413; Grierson 1918: 82; ЭСИЯ 1: 243–244; NEVP: 10).

Ударение в индоевропейской праформе устанавливается на основании вед. *áśvā* ‘лошадь’, лит. *ašvà*, род. п. *āšvos* (2) ‘лошадь’ < и.-е. *h₁ék-weh₂- (IEW: 301–302).

Очевидно, основы мужского рода в ормури действительно обратно образованы от *yáspa* или испытали влияние данной основы, поскольку ожидаемым результатом было бы *áśva- > #(y)asp или #yesp с переходом *a > e после протетического y (Ефимов 1986: 133). Множественное число на -ān в парачи имеет ударение на этом элементе, ср. *ōsprān* и *asprān*, но это поздние вторичные образования по отношению к старой форме множественного числа с внутренней флексией (Ефимов 2009: 40).

3. Афг. *wála* f. ‘ива’ — парачи Е *γi*, М *γī* ‘ива’ (Дыбо 1974: 73; Ефимов 2009: 198; IFL-1: 255; NEVP: 87).

Авест. *vaēti* ‘ива’ < праир. *wāiti-; дальнейшие связи в индоевропейских языках указывают на колебание между дифтонгом и долгим *ī, ср. др.-инд. *veta*- m. ‘тростник’ и *ve*-

tasá- ‘ротанг’ с контрастным ударением; греч. *ἰτέα* ‘ива; щит из ивовых прутьев’, лат. *uītex*, *-icis*, прагерм. **wīpaz* ~ **wīpjō* или **wīpō*, ср. др.-в.-нем. *wīda* f. ‘ива’ (IEW: 1122). В греческом ударение не на корне, по всей видимости, из-за отклоняющегося характера основы (< **wītēwā* ?), но германские данные свидетельствуют о первоначальной баритонезе. Также на место изначального ударения может указывать лат. *uītex* ‘ива’ — в этом слове не происходит сокращение по закону Дыбо, подробнее о явлении (Дыбо 1961; Дыбо 2015).

Для парачи развитие является регулярным: начальный иранский **w-* дает *γ*, ср. *γaf-* ‘ткать’ < и.-е. **web^h-*; дифтонг **ai* стягивается в *i* (Ефимов 1997: 440, 457–458), а **-ti* падает в заударном положении.

4. Афг. диал. *stāna* (норм. вариант *stān*) f. ‘столб, колонна, подпорка’⁷ — орм. кан. Е *styun*, М *styōn* ‘колонна’; парачи М. *ustūn* ~ *estūn* ‘колонна’⁸ (Дыбо 1974: 73; Ефимов 1986: 78; ПFL-1: 236; NEVP: 76).

В древнеиндийском рассматриваемые слова имеют баритонированное соответствие *sthūñā-* f. ‘столб, колонна’, этимологически связываемое с др.-инд. *sthūrá-* ‘большой, крепкий’ и и.-е. **stū-* (< **steh₂-w-*), *w-*расширением или вариантом корня **steh₂-* ‘стоять’ (EWAia II: 768). Основа демонстрировала вариативность еще в праиранском, ср. авест. *stūna-* m. ~ *stunā-* f. ‘колонна; столб’. Ввиду диалектных афганских форм *stānye* и *stāni* более правдоподобна праформа **stūn(i)yā-* (NEVP: 76).

Анлаутное *u-* в парачи появилось в результате развития протетического гласного перед группой согласных **st-* с дальнейшей ассимиляцией, если только формы парачи не являются видоизмененным персидским заимствованием, ср. дари *sotun* ‘колонна’.

5. Афг. *wāna* ~ *wīna* f. ‘дерево’ — парачи Е *γan*, М *γān* ~ *γan* ‘дуб’ (Дыбо 1974: 73; Ефимов 2009: 197; ПFL-1: 256; NEVP: 88).

Иранская праформа **wāna-*, ср. др.-инд. *vānam* n. ‘лес, дерево’, авест. *vanā-* ‘дерево’ (EWAia II: 500). Интересно, что еще в Ригведе засвидетельствовано корневое имя *vān-* ‘деревянный сосуд, кадка’ с окситонезой в отдельных падежных формах (ср. instr. sg. *vanā*, gen. pl. *vanām*), но уже в авестийском нет его надежных следов, вопреки (Bartholomae 1904: 1353).

6. Афг. *gūta* f. ‘палец’, ванечи *nəgūt* — орм. кан. Е *ngušt* ‘палец’; лог. Е *angóxt*; парачи Е *γošt*, М *γušt* (Дыбо 1974: 73; Ефимов 1986: 126; Ефимов 2009: 198; ПFL-1: 257–258; ЭСИЯ 1: 169–170; NEVP: 28).

Реконструируется в виде **angúšta-* или **anguštá-*, ср. др.-инд. вед. *aṅguṣṭhá-* ‘палец’ и более поздняя форма *aṅguṣṭha-* m. ‘палец; большой палец’ (BR-1: 58; EWAia I: 49). Передвижение ударения в древнеиндийском могло произойти из-за влияния таких похо-

⁷ В статье В. А. Дыбо, как это характерно и для литературного языка, объединены два омонима *stān* ‘игла, шило’ и *stān* ‘столб, колонна, подпорка’ (Дыбо 1974: 73), но первое скорее относится к другой праформе: **śūcānī-* (NEVP: 76).

⁸ В данном случае определенные сомнения вызывает слово, засвидетельствованное в парачи. Ефимов для сравнения с формой парачи приводит курд. *astú* ‘шея’ при параллельном образовании *ustu(n)*; наиболее вероятно, что автор при этом цитирует Абаева (Абаев I: 79), который, в свою очередь, приводит форму *astú* вслед за работой Houtum-Schindler 1884: 49. Тем не менее, прямым соответствием перс. *sutūn* ‘колонна’ и другим формам иранских языков, восходящих к **stūnā-*, курдское слово *astú* быть не может. В «Этимологическом словаре курдского языка» справедливо указывается, что курд. *stu* (*stū*, *stō*) ‘шея’, как и осет. *astæw* ‘поясница; середина’, *staw* ‘поясничная область’, восходит к др.-ир. корню **stū-*, **staw-* ‘стоять’, но образовано от другой основы, в отличие от *stūn* f. ‘столб; балка, перекиладина; бревно’ < **stūnā-* (Цаболов 2010: 282–283).

Соответственно, нет достаточных оснований для того, чтобы вообще специально сблизать парачи М. *ustūn* ‘колонна’ с диал. курд. *astú* ~ *ustu(n)* ~ *istu* ‘шея’ и осет. *astæw* ‘поясница; середина’, *staw* ‘поясничная область’ (Абаев I: 78–79).

жих образований, как *aṅgúri-*, *aṅgúli-* f. ‘палец; большой палец’, производящее существительное — *áṅga-* ‘часть тела, член’. В афганском ударение переходит на второй слог с последнего по правилу Дж. Ченга для трехсложных основ (Cheung 2009: 118); такое же развитие наблюдается в ормури и парачи. Соответственно, в данном случае может идти речь о мнимой баритонезе, а в исходной праформе ударение, вероятно, стояло на конце слова.

7. Афг. *óša* f. ‘слеза’ — орм. кан. G *hēntscī*, M *hēncčī* ‘слезы’; M *yēscak*, pl. *yēscī* (Дыбо 1974: 73; Ефимов 1986: 84, 135; ПФЛ-1: 397; Grierson 1918: 62; ЭСИЯ 1: 241–243; NEVP: 12).

Приведенные формы родственны др.-инд. *ásru-* ‘слеза’.

Слово *óša* употребляется в восточных диалектах пушту; в западных используются формы *úška* ~ *óška*, также *woška* и *yeška* (NEVP: 12). Переход **a > o* в афганском происходит в данном случае перед *и-* следующего слога и группой согласных (Грюнберг & Эдельман 1987: 22; Cheung 2011: 173). Все эти формы восходят к **ásrukā-* с метатезой в **ársukā-*. То же касается и форм канигурамского диалекта ормури: *hēnc-* и *yēsc-* < **hōnc-* < **ōšk-* < **ársukā-* < **ásru-kā-* (ПФЛ-1: 336, 397; Ефимов 1986: 84). По правилу ударения производных на **-ka* «по контрасту» ожидалось бы **ásruká-*, соответственно, это одно из исключений как для пушту, так и для ормури. Как бы то ни было, примечательно, что афганский и ормури показывают совпадение по месту ударения, пусть и незакономерному.

8. Афг. *wáwra* f. ‘снег’ — орм. кан. E *γoš*; лог. E *γoš*, M *γōš* ‘снег’; парачи EM *γarp* ‘снег’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 126; Ефимов 2009: 197; ПФЛ-1: 257, 396; NEVP: 93).

И.-ир. **wáprā-* ~ **wapra-*, ср. др.-инд. *váprā-* f. ‘очаг’, *vápra-* m. ‘насыпь; земляное укрепление’ без убедительных внешних параллелей (EWAia II: 505).

9. Афг. вост. *lāra* f. ‘дорога’, в ряде диалектов *lyār* — орм. кан. E *rāy*, G *rāī*; лог. E *rāy*, M *rāī* ‘дорога’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 97; ПФЛ-1: 405; Grierson 1918: 73; ЭСИЯ 6: 389; NEVP: 44).

Праформа афганского слова — **ráθyā* или даже скорее **ráθī-* с переходом в **ā-*основу в ряде диалектов (NEVP: 44). Параллель из ормури может быть ранним заимствованием из дари, ср. дари *rāh* ‘дорога, путь’, но если она исконна, то поддерживает второй вариант реконструкции.

I.1.2. Прилагательные

10. Афг. *wáč*, f. *wáča* ‘сухой’ — орм. кан. E *wyok*, G *wyūk*; лог. E *wuk*, M *wōkā* ‘сухой’; парачи M *hušk* ~ E *hóškō*, M. *húšku* и M *ōškár* ‘сухой’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 127; Ефимов 2009: 202; Grierson 1918: 81; ПФЛ-1: 260, 411; ЭСИЯ 3: 387–390; NEVP: 86).

Баритонеза устанавливается на основании вед. *súška-* ‘сухой’; праир. **húška-*. Окончания более распространенных в парачи форм E *hóškō*, M. *húšku* выглядят как вторичное позднее наращение суффикса, ср. также приводимую Г. Моргенштерне форму *ōškār* ‘сухой’ < **huška-bara-* (?), как в язг. *wəḫkavúir* ‘старый дырявый сосуд, годный для переноски и хранения только сухих предметов’ (Соколова 1967: 87; ЭСИЯ 3: 388) или **huška-rá-* с вторичным суффиксальным наращением.

11. Афг. *ziár*, f. *ziára* ‘желтый’ — парачи M *zítō* ~ *zítu* ~ *zíta* ‘желтый’ (Дыбо 1974: 74; ПФЛ-1: 303; NEVP: 104).

Иранская праформа **zárita-*, ср. др.-инд. *hárīta-* ‘желтый; блестяще-желтый, белокурый’. В парачи не до конца ясна праформа. Очевидно, *zíta* является прямым продолжением **zárita-* и, вероятно, влияет на ударение *zítō* < **záritaka(hya)-*. В. А. Ефимов также реконструирует для парачи *zíta* праформу **zárita-* (Ефимов 1997: 472). Для обоих языков можно предполагать раннюю утрату второго слога.

12. Афг. *plán, plán, f. plána* ‘широкий, просторный’ — орм. кан. *G ran* ‘широкий’ (Дыбо 1974: 74; IFL-1: 404; Grierson 1918: 71; ESIF 6: 241–242; NEVP: 62).

Приведенные лексемы восходят к праир. **raθána-*, ср. авест. *paθana-* ‘широкий’. Праиранская основа **raθána-* соответствует, по мнению В. А. Дыбо, греч. *πατάνη* f ‘блюдо’ < ‘широкая’ (Дыбо 1974: 74). Впрочем, нельзя исключать вероятности субстратного происхождения данного греческого слова ввиду похожего по форме и значению *πέταχρον* ‘широкая плоская чаша’ (Furnée 1972: 149; Beekes 2010: 1157), что делает проблемным установление ударения в индоевропейской праформе.

13. Афг. *spín, f. spína* ‘белый’ — орм. кан. *E spilew, G spīw* ‘белый’; лог. *E spew, M spēw* ‘белый’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 127; IFL-1: 406; Grierson 1918: 75; NEVP: 75).

Иранская праформа **šwaitá-*. Основы не совпадают. Афганские формы восходят к **šwít-no-* ~ др.-инд. *śvitna-* ‘светлый, беловатый’, а формы языка ормури продолжают **šwaitá-* с характерным переходом в баритонезу у прилагательных, ср. реконструкцию В. А. Ефимова: «лог. *spew*, кан. *spew* (наряду со *spīw*) ‘белый’ < ир. **spáita* из более древнего **spaitá*» (Ефимов 1991: 255). Также в логарском диалекте ормури Р. Личем засвидетельствована форма *ispeuq* (Leech 1838: 51; IFL-1: 406).

14. Афг. *rún, f. rúna* ‘светлый, блестящий, сверкающий’ — орм. кан. *E ráwan, run, G rʷwan* ‘огонь’; лог. *E rówon, M rún*; парачи *E ríne, M rhínē* ‘свет, дневной свет; огонь’ (Дыбо 1974: 74; Ефимов 1986: 96–97; Ефимов 2009: 232; IFL-1: 284, 405; Grierson 1918: 74; ЭСИЯ 6: 420–421; NEVP: 70).

Праформа **ráuxšna-* < и.-е. **léuk̑sno-*, ср. греч. *λύχνος* m. ‘лампа, светильник’. В парачи и ормури произошла номинализация с семантическим сдвигом, характерная для этого прилагательного в индоевропейских языках. Окончание в парачи не очень ясно; вероятно, это следы **i-* или **ya-* основы. Отдельные формы в ормури показывают процесс постепенного стяжения двусложной основы в односложную, но изначальное место ударения устанавливается благодаря материалам В. А. Ефимова. Г. Дж. Раверти отмечает данное слово в логарском диалекте в виде *aroŋ* (Raverty 1864: 273).

15. Афг. *yaх, f. yáxa* ‘холодный’ — орм. лог. *M yaх* ‘лед; холодный, холодно’; парачи *M. íx* ‘лед’ (Дыбо 1974: 75; Ефимов 1986: 263; Ефимов 2009: 203; IFL-1: 237, 413; ЭСИЯ 1: 140–143).

Г. Моргенштерне считает орм. *yaх* ‘лед’ персидским заимствованием, по всей видимости, справедливо: закономерным развитием начального **y-* в ормури служит *ʒ-/z-*, ср. орм. ‘печень’ < **yāxr-* < **yākar-*; *za* ‘ятровь, жена брата мужа’ < **yātar-* (Ефимов 1986: 74).

При этом метатеза **aíxa* > **yaха* встречается в целом ряде иранских языков разных групп, так что внешнее сходство формы ормури с афганской не является определяющим.

16. Афг. *táš, f. táša* — орм. кан. *EG tusk* ‘пустой’ (Дыбо 1974: 75; Ефимов 1986: 128; IFL-1: 410; Grierson 1918: 78; NEVP: 84).

Орм. *tusk* восходит к производному **tús(y)aka-* с ударением, соответствующим др.-инд. *tucchyá-* по правилу контрастного ударения производных на **-ka*. Афганские же данные указывают на **túsyá-*. Согласно мнению В. А. Дыбо, изначальное место ударения сохраняет праславянское прилагательное **tǔšǔb* ‘тощий’ (Дыбо 1974: 75).

17. Афг. *stár, f. stára* ‘большой’ — орм. лог. *E stor, M ^ustur*; кан. *E stur, G st^r* ‘большой’ (Дыбо 1974: 75–76; Ефимов 1986: 75; IFL-1: 407; Grierson 1918: 78; NEVP: 76).

В описании Дж. Гирсона, а также в «Новом этимологическом словаре пушту» формы ормури считаются заимствованными из афганского, но они могут быть и исконными, поскольку соответствуют всем правилам исторической фонетики ормури (Ефимов 1986: 78).

I.1.3. Корневые имена⁹

18. Афг. *táx* m. ‘лицо; сторона, край; грань, лезвие’ ~ орм. кан. EG *tux*; лог. E *tox* ‘лицо; щека’; парачи E *tox*, M *tux*, pl. E *tóxáñ* ‘лицо’ ~ вед. *múkha-* ‘рот, лицо’ (Дыбо 1974: 77; Ефимов 1986: 88; Ефимов 2009: 218; PFL-1: 274, 401; Grierson 1918: 67; ЭСИЯ 5: 393–394; NEVP: 53).

С сомнением предполагается, что слово в ормури заимствовано из пушту, хотя соответствие в парачи при этом исконно (NEVP: 53); но ввиду дополнительного значения ‘щека’ предпочтительнее и формы ормури рассматривать в качестве унаследованных. Основа **múkha-* < **múk^ha-* является также важной лексической изоглоссой между ормури, парачи и афганским: кроме перечисленных языков соответствие усматривалось только в осет. *múk’ū/mok’o*, чаще мн. *múk’ūtæ* ‘морда’, но это в лучшем случае контаминация **múkha-* с синонимичным субстратным словом из кавказских языков (Абаев II: 131).

19. Афг. m. *yáž* ‘медведь’ — орм. кан. EG *hiñs* ~ *hīrs*; лог. M *xirs* ‘медведь’; парачи *uḷ* ‘медведь’ (Дыбо 1974: 77; PFL-1: 237, 413; Grierson 1918: 67; ЭСИЯ 6: 459–461; NEVP: 100).

Праформа **ḷša-*, ср. др.-инд. *ṛkṣa-* ‘медведь’. И в парачи, и в ормури наблюдаются различные отклонения от праформы, возможно, вызванные табуированием, если эти слова являются унаследованными. Г. Моргенштерне считает заимствованиями формы *xirs* в логарском диалекте ормури и *uḷ* в парачи; при этом канигурамские формы, по его мнению, могут продолжать праиранскую праформу.

20. Афг. *xár* m. ‘осел’ — парачи E *kōr* ~ *kōr*, M *khōr* ‘осел’ (Дыбо 1974: 77; Ефимов 1986: 88; Ефимов 2009: 209; PFL-1: 265, 412; NEVP: 96).

Праформа **xára-*; ср. др.-инд. *khára-* ‘осел; мул’. За пределами индоиранской ветви соответствия надежно не засвидетельствованы. В пушту есть параллельная форма женского рода *xrā*, которую Дж. Ченг считает, в связи со своей теорией о характере афганского ударения, исконно баритонной (Cheung 2009: 119), но это невозможно доказать при отсутствии надежных родственных основ с фиксацией ударения.

21. Афг. *lór* m. ‘серп’ — орм. кан. E *dāš*’; парачи M *dēš* (Дыбо 1974: 77; Ефимов 1986: 126–127; PFL-1: 251; ЭСИЯ 2: 440–441; NEVP: 44).

Основы в пушту и ормури являются продолжениями праформы **dātra-*, в парачи основа **dātrī-*; ср. др.-инд. *dātra-* ‘разновидность серпа или кривой нож’.

22. Афг. *wó* m. ‘ветер’ — парачи M *γā* ‘ветер’ (Дыбо 1974: 77; PFL-1: 255; NEVP: 86).

Праформа **wāta-*, ср. др.-инд. *vāta-* ‘ветер’. Стоит отметить, что для ванечи *wagá* и диалектной афганской формы *wága* в «Новом этимологическом словаре пушту» реконструируется **wāta-ka-ka-*; в ванечи может быть отражение **wāta-(ká-)* с ожидаемой окситонезой по правилу контрастной акцентовки (NEVP: 86).

23. Афг. *xúḷ* m. ‘сон’ — парачи E *xōt*, M *xōt* ‘сон’ (Дыбо 1974: 77; Ефимов 2009: 249; PFL-1: 299, 412; ESJ 3: 466–468; EVP: 96).

Праформа **hwárna-*, ср. др.-инд. *svárna-*, лит. *sārnas* (4) ‘сон; сновидение’. Несмотря на то, что афг. *xúḷ* приводится в работе В. А. Дыбо и в EVP как исконное под этой праформой, можно подозревать в нем персидское заимствование, ср. дари *xob* ‘сон’, класс. перс. *x^wāb*. Есть идея возводить *xúḷ* (*xob*) к **xwāra-* (Грюнберг-Эдельман 1987: 26).

24. Афг. *γwáž* m. ‘ухо’, в кандагарском диалекте также ‘шум’ — орм. кан. E *gou*, G *gōu*; лог. E *gou*, M *gōi*; парачи E *gi* M *gū*, мн. ч. M *guáñ* ‘ухо’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 126; Ефимов 2009: 196; PFL-1: 253, 394; Grierson 1918: 60; ЭСИЯ 3: 250–251; NEVP: 33).

⁹ В данном случае «корневые имена» служат условным названием обсуждаемых слов в языке пушту, принятое В. А. Дыбо в его статье (Дыбо 1974: 77); в историческом отношении это тематические основы.

Праир. **gáuiša-*, др.-инд. *ghóṣa-* ‘шум, крик, рев; шум, молва’. Формы парачи E *guš* ~ *gōš*, M *gōš* ~ *gūš* являются заимствованиями из персидского (IFL-1: 254). В. А. Ефимов приводит парадигму *gu*, мн. ч. *gúšān* для шутульского диалекта (Ефимов 2009: 196). Ударение множественного числа *gúšān* незакономерно; возможно, шутульский вариант *gúšān* представляет собой фонетическую перестройку незасвидетельствованного #*gúān* под воздействием форм дари с сохранением первоначального ударения (Трофимов 2021: 217).

25. Афг. *šrún* m. ‘пастух’ — орм. кан. E *šwān*, G *šwān*; парачи E *howān*, M *xiwān* ‘пастух’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 76, 95; Ефимов 1997: 457; IFL-1: 301, 409; Grierson 1918: 77; ЭСИЯ 6: 227–228; NEVP: 79).

Праформа **pśu-rāna-*, ср. ср.-перс. раннее *šurān*, позднее *šubān* ‘пастух’ и т. д. (ЭСИЯ 6: 227).

26. Афг. *prāng* m. ‘леопард’ — парачи M *parōṅ* ~ *parōnd* ‘пантера’ (Дыбо 1974: 78; IFL-1: 281; ЭСИЯ 6: 174–176; EVP: 59; NEVP: 66).

В отношении ударения сравнивается др.-инд. *pr̥dāku-* ‘змея, тигр, барс, леопард’ (Дыбо 1974: 78; EWAia II: 163). В данном случае в иранских формах оно явно перемещается на второй слог, ср. правило для трехсложных слов в пушту, сформулированное Дж. Ченгом (Cheung 2009: 118). Соответствие между афганским и парачи затемнено.

27. Афг. *pu* m. ‘пуп’ — орм. лог. E *nāf*, M *nāf*, также лог. M *néfak* ‘пуп’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 75; IFL-1: 275, 402; ЭСИЯ 5: 532–536; EVP: 52; NEVP: 57).

Праформа **nāb^ha-*. Если считать, что орм. *néfak* ‘пуп’ < **nāb^hikā-*, то это слово имеет незакономерное начальное ударение. Можно было бы считать, что суффикс *-ak* является более поздним вторичным образованием, напрямую присоединившимся к основе *nāf*, но *e* с большой вероятностью указывает на умлаут, а вообще унаследованные прилагательные и причастия на **-ta-ka* в ормури сохраняют конечный *-k* (Ефимов 1991: 277–280).

28. Афг. *wlest* ~ *lwest* m. ‘пядь (мера длины)’ — орм. кан. E *zwast*, M *zbast*, *jbasp*; лог. M *ḷusp* < **witasti-* (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 135; IFL-1: 397; Ефимов 2011: 288; NEVP: 88).

Праир. **witásti-* < **witasti-* с перемещением акцента по правилу, работающему для основ с тремя слогами (Cheung 2009: 118).

29. Афг. *bən* f. ‘одна из жен (по отношению к другим — при многоженстве)’ — орм. кан. EG *wan* ‘одна из жен (многоженца); co-wife’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 137; IFL-1: 411; Grierson 1918: 81; ЭСИЯ 6: 252–254; EVP: 15; NEVP: 14).

Праформа **ha-pātnī-*, ср. др.-инд. *sa-pātnī-* ‘обладающая совместным супругом; одна из жен (по отношению к другой; соперница)’.

30. Афг. *sar* m. ‘голова’ — орм. кан. лог. EGM *sar* ‘голова’; парачи E *sō* ~ *sōr*, M *sōr* (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 137; Ефимов 2009: 236; IFL-1: 288, 407; Grierson 1918: 75; EVP: 69).

Праир. **śārah-*: авест. *sarah*, ср. др.-инд. *śiras-* ‘голова; верхняя часть, вершина, глава’. Дж. Грирсон полагает, что слово в ормури может быть заимствованием (Grierson 1918: 75), но унаследованная основа должна иметь точно такой же вид.

31. Афг. *nar*, *nār* m. ‘муж, мужчина, самец’ — парачи M *nērōk* ‘самец’ (Дыбо 1974: 78; Ефимов 1986: 141; Ефимов 2009: 220; IFL-1: 276–277, 402; ЭСИЯ 5: 475–477; EVP: 53; NEVP: 58).

Праформа **nāra-* (более раннее корневое имя *nār-*); в парачи закономерная окитонеза по правилу контрастного ударения **naryaká-*. Конечное *-k* в данном случае может быть вторичным поздним прибавлением суффикса — унаследованное **-aka* развивается в парачи в *o*; впрочем, на ударение данный факт не влияет.

32. Афг. *yór* f. ‘жена брата мужа’ — орм. кан. E *za* ‘жена брата мужа’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 135–136; ЭСИЯ 4: 131–133; EVP: 46, 100; NEVP: 100).

Праформа **yātar-*, ср. др.-инд. *yātar-* ‘жена брата мужа’.

33. Афг. *ōr* м. ‘огонь, пожар’, ванеци *áwər* — парачи Е *āṛ*, М *âṛ* ‘огонь’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 2009: 174; IFL-1: 235; ESIJ 1: 318–319; EVP: 12; NEVP: 9).

Праформа **ātr-*. В данном случае не до конца ясна непосредственная праформа для парачи: Г. Моргенштерне предполагал, что произошла метатеза **ātr- > *ārt-* (IFL-1: 235).

34. Афг. *nūt* м. ‘имя’ — орм. кан. Е *nām* ‘имя’; лог. Е *nām*, М *nām*, pl. Е *ními* ‘имя’; парачи Е *nām*, М *nām* (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 146; Ефимов 2009: 220; IFL-1: 276, 402; ЭСИЯ 5: 538–539; EVP: 52; NEVP: 57).

Праформа **nātan-* (**nātmā-*), ср. др.-инд. *nātan-* ‘имя’.

I.1.4. Числительные

Баритонированные числительные в афганском, ормури и парачи обычно совпадают по ударению и похожи по форме.

35. Афг. *dre*, диал. *drey*, *dray* ‘три’ — орм. кан. Е *š’i*, G *š’ē*; лог. Е *šo*, М *šō* ~ *šō*; парачи Е *ši* ~ *šo* ~ *še*, М *šī* ~ *šū* ‘три’ (Ефимов 1986: 158; Ефимов 2009: 237; IFL-1: 289, 409; Grierson 1918: 77; NEVP: 22).

Праформа **tráyah*, ср. др.-инд. *tráyas* ‘три’.

36. Афг. *nā* ‘девять’ — орм. кан. Е *na*, G *n^ah*; лог. Е *no* ~ *nā*, М *nā*; парачи Е *nō*, М *nō* ‘девять’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 222; IFL-1: 275, 401; Grierson 1918: 69; ЭСИЯ 5: 515–516; NEVP: 55).

Праформа **nāwa-*, ср. др.-инд. *nāva-* ‘девять’.

37. Афг. *lās* ‘десять’ — орм. лог. кан. EGM *das*; парачи Е *dōs*, М *dōs* ‘десять’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 189; IFL-1: 251, 393; Grierson 1918: 57; ЭСИЯ 2: 375–376; NEVP: 45).

Праформа **dāsa-*; ср. др.-инд. *dāsa-* ‘десять’.

38. Афг. *dwōlas* ‘двенадцать’ — орм. кан. EG *dwās*, М *duàs*; лог. Е *dwās*, М *dwās*; парачи Е *dowās* ~ *duwās*, *d(o)hās*, М *dwās* ~ *duwās* ‘двенадцать’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 189; IFL-1: 252, 393; Grierson 1918: 58; ЭСИЯ 2: 482–483). Праформа **dwādaśa-*; ср. др.-инд. *dwādaśa-*, греч. *δώδεκα* ‘десять’. В парачи и ормури отклонение от праязыкового ударения.

39. Афг. *dyārlas* (< **draylas-*) ‘тринадцать’ — орм. кан. Е *š’es*, G *š’ēs*; лог. Е *šes*, М *šēs*; парачи Е *šedōs*, М *šidōs* ‘тринадцать’ (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 237; IFL-1: 260, 409; Grierson 1918: 77; NEVP: 22).

Праформа **trídaśa-*; ср. др.-инд. *trídaśa-*. Форма парачи очевидным образом вторична и является более поздним композитом.

40. Афг. *cwārlas* ‘четырнадцать’ — орм. кан. Е *carés*, G *tsarēs*, М *cáres* и *carés*; лог. Е *carés*, М *carés*; парачи Е *čadōs*, М *čadōs* (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 180; IFL-1: 244, 391; Grierson 1918: 80; ЭСИЯ 2: 243–244; NEVP: 18).

Праформа **čātwardāśa-* или **čāt/θrudāśa-*, ср. др.-инд. *cāturdaśa-* ‘четырнадцать’. Как и в случае с числительным ‘тринадцать’, в парачи представлено новообразование. То же относится и к формам ормури с конечным ударением¹⁰.

41. Афг. *nūnas* (вар. *nūlas*) ‘девятнадцать’ — орм. кан. Е *anés*, G *unēs*; лог. Е *nes* ~ *a-nés*, М *nēs*; парачи EM *nams* (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 160; Ефимов 2009: 219; IFL-1: 276, 403; Grierson 1918: 54; ЭСИЯ 5: 516–517; NEVP: 55).

Праформа **nāvadaśa*, ср. др.-инд. *nāvadaśa-*. Особенно ясно изначальная баритонеза видна в парачи.

¹⁰ Основы со значением ‘шестнадцать’ в этом отношении идентичны и поэтому не рассматриваются.

42. Афг. *-wīšt-* ‘двадцать’, в составе числительных от 21 до 29 — орм. кан. E *ǰistu*, *a-ǰistu*, G *ǰistū*, M *ǰistū*; лог. E *ǰistu*, M *ǰist ~ ǰistu*; парачи E *γošt*, M *γušt* ‘двадцать’ (Дыбо 1974: 79–80; Ефимов 1986: 160; Ефимов 2009: 198; Grierson 1918: 64; IFL-1: 258, 397).

Праформа **wīšati-*, ср. греч. гом. *ἑίκοσι*, дор. беот. фессал. *ῥικατι* < **εῤίκατι* ‘двадцать’. Наиболее отчетливо первоначальная баритонеза видна в ормури; конечный *-u* появился под влиянием других обозначений десятков.

43. Афг. *zār* ‘тысяча’ — орм. кан. EGM *zār*; лог. E *azār*, M *azār* (Дыбо 1974: 79; Ефимов 1986: 161; IFL-1: 388; Grierson 1918: 83; ЭСИЯ 3: 394–396; NEVP: 102).

Праформа **hažáhra-*, ср. др.-инд. *sahásra-* ‘тысяча’. Для логарского диалекта наиболее вероятно заимствование из персидского; однозначно заимствовано парачи E *hazâr*, M *hazâr* (Ефимов 2009: 200; IFL-1: 261).

Следы окситонезы в ормури и парачи прослеживаются хуже; так, В. А. Ефимов приводит целый ряд основ, утративших конечное ударение в ормури (Ефимов 1985: 49–50; Ефимов 1986: 127). Тем не менее, отдельные случаи сохранения окситонезы в именах, и особенно в числительных, в определенной степени отражают первоначальное состояние. Также важны баритонированные основы с акцентовкой «по контрасту».

I.2. Oxytona

I. 2. 1. *a*-основы женского рода

44. Афг. *špá f.* ‘ночь’ — орм. кан. E *šyo/šyu*, G *štw*; лог. E *šo*, M *šō* ‘ночь’ ~ парачи E *xawápn*, M *xawápn* ‘ночь’ (Дыбо 1974: 80; Ефимов 1986: 133; Ефимов 2009: 247; IFL-1: 301, 409; Grierson 1918: 76; NEVP: 79).

Праязыковая баритонеза согласно вед. *kšarā-* ‘ночь’. За пределами индоиранских языков это слово не имеет однозначных соответствий. Традиционно сравниваются с хетт. *išpant-* ‘ночь’, но данное решение сталкивается с определенными фонетическими проблемами (Трофимов 2014).

Это один из наиболее важных случаев тройного соответствия между афганским, ормури и парачи. В. А. Ефимов относит основу ормури к рефлексу старой окситонезы с некоторым сомнением (Ефимов 1986: 133). Для ормури следует предполагать фонетический переход **xšarā > *šawá > *šwa > *šwo > šyo/šyu*¹¹. В парачи *xawápn* < **xšarāpnat*, несколько отличается основа (образована от косвенного падежа).

I.2.2. Прилагательные

Прилагательные в парачи и ормури практически все поменяли унаследованную окситонезу на баритонезу. Это неудивительно, потому что и в пушту окситонеза наиболее надежно устанавливается только по формам женского рода при переходе форм мужского рода в прямом падеже в баритонезу. В ормури формы женского рода имеют конечный *-a*, но теряют ударение на этом форманте.

45. Афг. *ít*, *f. imá* ‘сырой, недоваренный; неспелый, незрелый’ — орм. кан. G *hām*, M *hām* ‘неспелый’; парачи E *xām*, M *hāmō* ‘сырой, незрелый’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 2009: 247; IFL-1: 323, 412; Grierson 1918: 62; ЭСИЯ 1: 309–310; NEVP: 8).

¹¹ По формулировке В. А. Ефимова, «**á > *á > o/u* по соседству с губным; *-y- < *w < *p*, ср. *w/y* в кан. *marūōk* ‘луна’» (Ефимов 1986: 133).

Праформа **āmá-*, ср. др.-инд. *āmá-* ‘сырой, незрелый’, греч. *ῥμός* ‘сырой, неспелый’. Если форма парачи *hámō* действительно древняя, она отражает закономерное **āmaka(hya)-* с контрастной акцентровкой.

46. Афг. *sur*, f. *srá* ‘красный, алый; румяный’ — орм. кан. E *sušʳ*, G *sūšʳ*; лог. E *suš*, M *sūš* ‘красный’; парачи E *sork*, *sórku* и *sórkhō*, M *surkh*, *súrku* и *surkhō* ‘красный’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 1986: 127; Ефимов 2009: 236; ПФЛ-1: 288, 408; Grierson 1918: 75; NEVP: 75).

Праформа **śuxrá-*, др.-инд. *śuklá-* ‘белый; светлый, чистый’. Окситонеза утрачена и в ормури, и в парачи. Ожидаемое ударение только в форме парачи *sórkhō* < **śuxraka(hya)-*, но ее значение уменьшается из-за засвидетельствованной Г. Моргенштерне *surkhō*.

47. Афг. *póx*, f. *paḥá* ‘сваренный, вареный, спелый, зрелый’ — орм. кан. EG *paḥak*; лог. E *póxok*, M *puxōk* ‘вареный; спелый’; парачи M *phōk* ‘вареный’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 1986: 126; ПФЛ-1: 278, 405; Grierson 1918: 70; ЭСИЯ 6: 99–109; NEVP: 67).

Праформа **paḥwá-* ‘вареный’, ср. др.-инд. *paḥwá-* ‘вареный; спелый, зрелый’, производное от **paḥ-* / **pač-* ‘готовить еду; печь, варить’. В парачи и ормури наблюдается баритонеза по контрасту, отклоняется только форма M *puxōk*; ударение причастий в ормури неясно. В парачи, возможно, добавлен поздний вторичный суффикс.

48. Афг. *sōr*, f. *saṛá* ‘холодный, прохладный’ — орм. кан. E *sāla*, G *sāl^a*; лог. E *sāla*, ‘холод, чувство холода’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 1986: 32; ПФЛ-1: 283, 409; Grierson 1918: 74; ЭСИЯ 3: 79–80; NEVP: 76).

Праформа **sartá-*; на окситонезу в праязыке указывает прерывистая интонация латышского *salts* ‘холодный’ (Дыбо 1974: 81–82).

На наш взгляд, это прилагательное важно для установления истории изначально окситонированных основ в языке ормури. В данном случае ударение становится накоренным, но при этом сохраняется конечный *-a < *-āh, очевидно, стоявший под ударением. Похожий процесс произошел, по всей видимости, с такими немногочисленными прилагательными, как афг. *spērá* ‘светло-серый; мутный, загрязненный’ < **świtrá-*, ср. др.-инд. *świtrá-* ‘белый’. Большинство прилагательных мужского рода в ормури теряет конечный ударный гласный.

49. Афг. *tōd* f. *tawdá* ‘теплый, горячий, жаркий’ — орм. кан. E *tok*, G *tōk*, M *tōk*; лог. E *tok* ‘горячий’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 66; ПФЛ-1: 410; Grierson 1918: 78; NEVP: 81).

Праформа **taftá-* (др.-инд. *taptá-* ‘нагретый, разгоряченный, жгучий’), в ормури закономерное **táftaka-* с контрастной акцентровкой.

50. Афг. *már*, f. *mṛá* ‘мертвый, умерший’ — орм. кан. E *múl(l)ak*, G. *mul-ak* ~ *mullak*, f. *malk*, лог. E *mól(l)ok*, M *múlluk* ‘умирать’ (формы причастия, образующие претеритную основу); парачи M *múṛō*, E *móru* ‘мертвый’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; ПФЛ-1: 273, 400; Grierson 1918: 68; ЭСИЯ 5: 210–211; NEVP: 51).

Праформой для парачи и ормури должно служить производное **mṛtaka-*, в котором закономерная баритонеза по контрасту к праязыковому **mṛtá-*, ср. др.-инд. *mṛtá-* ‘мертвый’. См. ниже как соответствия афг. *máray* ‘труп, мертвец’.

51. Афг. *tríx*, f. *tərxá* ‘горький, соленый’ — орм. кан. E *tēšʳ*, G *tēšʳ* ‘горький’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 86; ПФЛ-1: 283, 409; Grierson 1918: 79; ЭСИЯ 3: 79–80; NEVP: 83–84).

Др.-инд. *takrá-* ‘пахта, разбавленная водой’. Сопоставление с древнеиндийским словом иранских форм со значением ‘горький’ является традиционным (EWAia I: 611–612).

I.2.3. Имена на зваракай

52. Афг. *miryá*, *mərgá* m. ‘птица (часто хищная)’ ~ орм. кан. E *mirgá*, G *mirg^a*; лог. E *morgá*, M *mirga* ‘птица / маленькая птица / воробей’ ~ парачи E *morčé*, M *mirčé*, мн. ч.

morčēān (?) ‘воробей’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 127; Ефимов 2009: 218; ИФЛ-1: 273, 400; Grierson 1918: 68; ЭСИЯ 5: 379–384; NEVP: 51).

Праформа **mṛgá-*; ср. др.-инд. *mṛgá-* ‘дикое животное / дичь / олень, антилопа и т. д.’. Форма парачи явно имеет суффиксальное происхождение, скорее всего это **mṛga-či-ká-* с окситонезой, поскольку производное **mṛga-či-* должно было быть баритонированным, сравни обратное соотношение в *fruš(ā)-či-* ‘блоха’ < **frúšā-*. Соответственно, можно предположительно установить следующую словообразовательную цепочку: **mṛgá-* > **mṛga-či-* > **mṛga-či-ká-*. По-другому реконструируют эту основу и Г. Моргенштерне, и В. А. Ефимов, отдающие предпочтение реконструкции **mṛga-č-* (ИФЛ-1: 41, 273) и **mṛgá-čī-* (Ефимов 1997: 461). В пушту окончание *-á* является рефлексом **-áh* (Cheung 2009: 114); стоит думать, что в ормури такая же ситуация с рефлексом *-á* < **-áh*.

Форма множественного числа в парачи сомнительна: она не встречается в текстах, записанных и опубликованных В. А. Ефимовым, а в словаре к монографии «Язык парачи», где встречаются ошибки в ударении, записано как *morčē*, мн. ч. *-ān* (Ефимов 2009: 218). Признается исключением из правил ударения для парачи в (Трофимов 2021: 227), но может иметь ударение не на окончании по той причине, что основа заканчивается на гласный. В любом случае, фиксация формы вызывает сомнения.

53. Афг. *wāzā* м. ‘сажень; шаг коня’ — орм. кан. EG *bazar*; лог. Е М *bazar, bizar* ‘рука (от локтя до запястья)’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 83; ИФЛ-1: 390; Grierson 1918: 56; ЭСИЯ 2: 161–164; NEVP: 94).

Праформа **bāzū-*, ср. др.-инд. *bāhú-* ‘рука; предплечье; мера длины’ (но греч. *πῆχυς* ‘предплечье, рука; пехий, локоть (мера длины ок. 46 см.)’). Место ударения в ормури не засвидетельствовано; при этом может с сомнением реконструироваться производная форма **bāzura-* с сокращением корневого гласного (но ср. афг. *wazár* ‘крыло; рука от плеча до локтя’ < **wazaθra-* NEVP: 94). Афганское производное *ōzau* ‘плечевая кость’ будет разобрано ниже, в разделе, посвященном производным на **-ka*.

54. Афг. *ōwrá*, также *orá* и *wará*, диал. *awár* м. sg. и pl. ‘облако, тучка; бельмо’ — орм. кан. Е *ábər*; лог. Е *yewər*, М *yēwər* ‘облако’; парачи Е *a(y)ir*, М *áir*, pl. Е *a(y)irān* ‘облако, туча’ (Дыбо 1974: 82; Ефимов 1986: 127; Ефимов 2009: 173; ИФЛ-1: 235, 413; ЭСИЯ 1: 74–75; NEVP: 10).

В. А. Дыбо, как и Дж. Ченг (Cheung 2011: 199), сравнивает эти формы напрямую с др.-инд. *abrá-* ‘облако’, а Г. Моргенштерне считает, что формы, засвидетельствованные в пушту, восходят к **abryá-* (NEVP: 10), как и родственные слова в ормури и парачи. При этом в ормури произошел достаточно стандартный переход в баритонезу, а для парачи можно предполагать окситонезу, отразившуюся в конечном ударении слова в его засвидетельствованном облике. Промежуточные этапы развития в парачи могли быть следующими: **abrya-* > **a(w)rya-* > **a(w)yar* > *a(y)ir*; ср. переход **yā* > *i* в слове Е *ḡir* ‘тетива’ < **ḡiyā-ra-* ? (Ефимов 1997: 440). Других надежных примеров на развитие кластера **br* в парачи нет (ИФЛ-1: 42), но можно сравнить развитие **rb* > *r(w)* (ИФЛ-1: 36). Метатеза слогов, предполагаемая в данном случае, напоминает аналогичную той, что наблюдается в слове Е *ḡu*, М *ḡū* ‘один’, для которого предполагается фонетическое развитие **aiwa-* > **yawa-* > **yūwa-* > **yū* > *ḡu*.

Еще одной проблемой является форма множественного числа *a(y)irān* с незакономерной баритонезой; тот факт, что предполагаемое **á* не переходит в *ō*, показывает, что данная форма вторична и представляет собой позднюю перестройку (Трофимов 2021: 219).

55. Афг. *trá*, *tərá* м. ‘дядя со стороны отца’ — орм. кан. EG *tā* ‘дядя со стороны отца, брат отца’; парачи М *peté* ‘дядя со стороны отца’ (Дыбо 1974: 83; Ефимов 1986: 25; ИФЛ-1: 283, 318; ЭСИЯ 6: 305–306; NEVP: 83).

Праформа **pitṛvyá-*; ср. др.-инд. *pitṛvyá-* ‘брат отца, дядя’. Данные ормури и парачи также указывают на окситонезу. Детали фонетического развития в парачи не до конца ясны, но очевидно, что это унаследованное слово.

56. Афг. *wrará* m. ‘племянник’ — орм. кан. E *rāṣʳi-*, G *rāṣʳai* ‘племянник, сын брата’ и E *rāṣʳa-*, M *rāṣʳa* ‘племянница’ (Дыбо 1974: 83; Ефимов 1986: 125, 138; ИФЛ-1: 406; Grierson 1918: 73; ЭСИЯ 2: 180–181; NEVP: 91).

Праформа **brāṭṛvyá-*, ср. др.-инд. *bhrāṭṛvyá-* ‘племянник’. В данном случае данные афганского и ормури противоречат друг другу, но стоит иметь в виду, что наряду с др.-инд. *bhrāṭṛvyá-* ‘племянник’ есть основа *bhrāṭṛvyā-* ‘соперник’ (Дыбо 1974: 83); хотя логичнее предполагать поздний переход в баритонезу в слове с долгим гласным в первом слоге. Мнение Г. Моргенштерне о том, что данные слова представляют древние заимствования из пушту (ИФЛ-1: 329–330; NEVP: 91), не лишено почвы, поскольку окончание в том виде, в котором оно отмечено Дж. Грирсоном, указывает на афганское происхождение; также подозрительны фонетический переход **br- > r*, ср. орм. кан. *bras-* ‘гореть’ < **braṣya-*, *braz-* ‘жечь’ < **braž-* (ИФЛ-1: 356; Ефимов 1986: 65) и отсутствие соответствующей формы в логарском диалекте. С другой стороны, сама афганская форма не заканчивается на *-au*, а переход **br- > r* может быть обусловлен местом первоначального ударения. Как бы то ни было, это достаточно сомнительный случай.

57. Афг. *zrā* m. ‘сердце’ — орм. кан. E *zli*, G *zli*; лог. E *zle ~ zli*, M *zli*; парачи E *zor*, M *zur ~ zör* ‘сердце; душа’ (Дыбо 1974: 83; Ефимов 1986: 137; Ефимов 2009: 253; ИФЛ-1: 303, 413; Grierson 1918: 82; NEVP: 103).

В. А. Дыбо считает афганское слово прямым рефлексом праязыкового корневого имени *hṛd-* «с выравниванием по косвенным падежам». Но намного вероятнее, что приведенные формы пушту и ормури указывают на **zṛdīya-*, ср. греч. *καρδία* ‘сердце’, такое решение отмечается В. А. Ефимовым в его монографии про язык ормури (Ефимов 1986: 100, 132). Г. Моргенштерне и ранее В. А. Ефимов реконструировали **zṛdaya-* с переходом **aya- > i* (ср. авест. *zərədaya-* ‘сердце’) (ИФЛ-1: 325; Ефимов 1985: 48), но стоит отметить, что др.-инд. *hṛdaya-* ‘сердце’ указывает на баритонезу, а прилагательное *hṛdayuá-* ‘находящийся в сердце; лежащий на сердце (перен.)’, отмеченное в (BR-7: 1646; Mylius 1980: 581), вряд ли могло быть исходной точкой для образования базового слова ‘сердце’. Форма парачи же отражает корневое имя **zṛd-*.

58. Афг. *lewár* m. ‘брат мужа, деверь’ — парачи M *hīwar ~ hēwar*, *hīwar* ‘брат мужа, деверь’ (Дыбо 1974: 84; ИФЛ-1: 261; ЭСИЯ 2: 310–311; NEVP: 46).

Праформа **daywár-* или **ṭaywár*¹², ср. др.-инд. *devár-* ‘младший брат мужа, деверь’, греч. *δαῖρ* ‘брат мужа, деверь’. Это сопоставление сомнительно, потому что форма парачи неясна: начальный **d-* не должен переходить в *h-*, ударение засвидетельствовано только в одном месте (ИФЛ-1: 49); вероятно, это персидское заимствование, ср. каб. разг. дари (*h*)*ēvar* ‘деверь’ (ЭСИЯ 2: 310; NEVP: 46). Место ударения не совпадает, но в таком случае это не имеет большого значения.

59. Афг. *plār* m. ‘отец’ — орм. кан. E *pye ~ piyé*, G *piē*, лог. E *pe*, M *pē ~ pyē* ‘отец’ (Дыбо 1974: 84; Ефимов 1986: 136; ИФЛ-1: 403; ЭСИЯ 6: 303–305; NEVP: 62).

Праформа **pitár-* (им. п. **pitā*), ср. др.-инд. *pitár-*, им. п. *pitā* ‘отец’. Дж. Ченг возводит *plār* наряду с другими обозначениями близкой степени родства прямо к праязыковому вокативу *pítar* (Cheung 2011: 172), но это маловероятно из-за ударения.

¹² Предположение о возможном нерегулярном видоизменении под влиянием созвучного *lewá* ‘волк’ вполне могло иметь место (NEVP: 46).

I.2.4. Числительные

60. Афг. *yaŋ, yow*, gen. sg. *yaŋwá, f. yaŋwá* — парачи E *žu*, M *žŭ* ‘один’ (Дыбо 1974: 81; Ефимов 2009: 254; ПФЛ-1: 304; ЭСИЯ 1: 135–136; NEVP: 100).

Восходит к **aiwá-* с метатезой, ср. авест. *aēuua* ‘один’. В. А. Дыбо устанавливает праиранское место ударения на основании др.-инд. *evá-, evá* ‘так, только, именно, же’ и *evát* ‘так, таким образом’ (Дыбо 1974: 81). Форма парачи образовалась в результате перехода **aiwa-* > **yaŋwa-* > **yuŋwa-* > **yŭ* с дальнейшим закономерным переходом **y-* в *ž*. Этимология орм. лог. E *še* M *šē*, кан. E *sa*, M *sō*; ж. р. кан. E *sye* (Ефимов 1986: 158; ПФЛ-1: 407) сомнительна: Х. Бэйли возводил это числительное к праиранскому **aiwa-* наряду с хс. *śśau*, f. *śśā*, для чего необходимо предполагать фонетический переход типа **aiwa-* > **yuŋwa-* > **žŭ* > хс. *śśau*, орм. лог. E *še* M *šē*, кан. E *sa*, M *sō* с оглушением (Bailey 1979: 404; ЭСИЯ-1: 136). С другой стороны, формы ормури могут восходить и к основе дейктического местоимения **kyo-* (ПФЛ-1: 407). М. Кюммель на основании сравнения форм сакских языков и ормури реконструирует праиранскую основу **syá-* ‘один’, омонимичную указательному местоимению (Kümmel 2016); особенно интересен анализ автором форм ормури (Kümmel 2016: 182–183). По всей видимости, из всех иранских языков только пушту и, возможно, язгулямский, где засвидетельствовано *wŭ* ‘один (в атрибутивном употреблении)’ (ЭСИЯ-1: 135), сохраняют следы старого ударения.

61. Афг. *ōwá* ‘семь’ — орм. кан. E *wo*, G *hō*; лог. E *wo*, M *wō*; парачи E *hōt*, M *hōt* ‘семь’ (Дыбо 1974: 84; Ефимов 1986: 158; Ефимов 2009: 202; ПФЛ-1: 260, 411; Grierson 1918: 62; ЭСИЯ 3: 362–364; NEVP: 12).

Праформа **haftá-*, ср. др.-инд. *saptá-*, греч. *ἑπτά* ‘семь’. В парачи окситонеза однозначно утеряна. В ормури *o* < **afta-*, ср. орм. кан. лог. E *tok* ‘горячий’ < **táftaka-* (ПФЛ-1: 333; Ефимов 1986: 38–39). При этом начальный *h ~ w* может быть не рефлексом **h*, а вставным согласным на месте исчезнувшей группы согласных **ft*, соответственно, место праязыкового ударения могло быть на последнем слоге, а начальный слог **ha-* отпал (Ефимов 1986: 310–311).

62. Афг. *atá* ‘восемь’ — орм. кан. E *āšt*, G *hāšt*, M *hānšt*; лог. E *āxt*, M *āšt* ‘восемь’; парачи E *ōšt ~ ošt ~ hōšt*, M *ōšt ~ ošt* (Дыбо 1974: 84; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 224; ПФЛ-1: 236, 387; Grierson 1918: 63; ЭСИЯ 1: 248–249; NEVP: 11).

Праформа **aštá-*, ср. др.-инд. *aṣṭáu-*, греч. *ὀκτώ* ‘восемь’. В ормури и парачи наблюдается несоответствие ударения, окситонеза утеряна. Стоит отметить, что подобные закономерные с точки зрения акцентуации формы наблюдаются и в афганском: ср. литер. и диал. *at* ‘восемь’ (ЭСИЯ-1: 249).

63. Афг. *ōwálas* ‘семнадцать’ — орм. кан. E *awés*, G *awēs*, M *awés*; лог. E *awés*; парачи E *hatōs*, M *hattōs* ‘семнадцать’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 200; ПФЛ-1: 260, 388; Grierson 1918: 54; ЭСИЯ 3: 364–365).

Приведенные формы продолжают **haptádaša-*, ср. др.-инд. *saptádaša-* и авест. *haptadasa-* ‘семнадцать’. В ормури и парачи возможно передвижение ударения на предпоследний слог, **haptadáša-*, но возможна и полная потеря заударного слога *-da-* в праформе с закономерным праиранским ударением. Р. Лич отмечает в логарском диалекте вариант с начальным *h-*, записывая форму *haves* (Leech 1838: 729).

64. Афг. *atálas* ‘восемнадцать’ — орм. кан. E *aštés*, G *aštēs*; лог. E *axtes*, M *aštés*; парачи E *aštōs ~ aštōs*, M *aštōs ~ aštōs* ‘восемнадцать’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 159; Ефимов 2009: 172; ПФЛ-1: 237, 388; Grierson 1918: 54; ЭСИЯ 3: 364–365).

Праформа **aštádaša-*, ср. др.-инд. *aṣṭádaša-*, авест. *aštadasa-*. Развитие в ормури и парачи аналогично тому, что в числительном ‘17’. Стоит отметить, что некоторые другие языки имеют подобные формы, ср. заза *haštēs* и осет. *aētdæš ~ aētdæš* (ЭСИЯ-1: 250).

65. Афг. *pinjós* ~ *panjós* ‘пятьдесят’ — орм. кан. Е *panzāstu*, G *pandzāštū*; лог. Е *panzáxtu*, М *panjāstu*, ‘пятьдесят’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 160; ИФЛ-1: 327; Grierson 1918: 71; ЭСИЯ 6: 117–118).

Праформа **pančāsāt(a)-*, соответствует по ударению греч. *πεντήκοντα*, а не др.-инд. *pañcāśāt*, где, как полагает В. А. Дыбо, произошло выравнивание ударения по примеру других десятков (Дыбо 1974: 85). В парачи заимствование из персидского Е *penjā*, М *pinjā* (Ефимов 2009: 227; ИФЛ-1: 280).

66. Афг. *špetā* ‘шестьдесят’ - орм. кан. Е *šwēštu* ~ *šwištu*, G *šwaišti*; лог. Е *xóxtu*, М *šúštu*; парачи ЕМ *šast* ‘шестьдесят’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 160; Ефимов 2009: 237; ИФЛ-1: 291, 409; Grierson 1918: 77; NEVP: 80).

Праформа **xšwayšti-*, ср. др.-инд. *ṣaṣṭī* ‘шестьдесят’. В парачи и ормури произошла оттяжка ударения на первый слог под влиянием других числительных, на что указывает также замена конечного **i* на *u*.

67. Афг. *awuyā* ~ *ōwuyā*, *ōwiā* ‘семьдесят’ — орм. кан. Е *awāy*, G *awāi*, М *awāi*; лог. Е *awāy*, М *awāitu* ‘семьдесят’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 160–161; ИФЛ-1: 388; Grierson 1918: 54; ЭСИЯ 3: 365–366; NEVP: 12).

Праформа **haptāti* (с растяжением второго слога по аналогии с **aštāti*- ‘восемьдесят’), ср. др.-инд. *saptati*- ‘семьдесят’. И в пушту, и в ормури происходит переход ударения на предпоследний слог в трехсложной форме (Cheung 2009: 118), но окситонеза как таковая сохраняется (Ефимов 1986: 160–161); форма лог. М *awāitu* возникла под влиянием других числительных, обозначающих десятки (ИФЛ-1: 388). В парачи слово образуется другим образом.

68. Афг. *atyā* ‘восемьдесят’ — орм. кан. Е *aštāy*, G *haštāi*; лог. Е *aštāy* (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 161; ИФЛ-1: 391; Grierson 1918: 63; ЭСИЯ 1: 250–251; NEVP: 11).

Праформа **aštāti-*; ср. др.-инд. *aṣṭī-* ‘восемьдесят’. Иранская праформа перестроена под влиянием числительного **aštā-* ‘восемь’. Развитие аналогично тому, что наблюдается в числительном ‘70’. В парачи образовано другим образом.

69. Афг. *nwī*, *nīwī* ~ *nawā*, *nāwī* ‘девяносто’ — орм. кан. ГМ *nawī* ‘девяносто’; лог. Е *nawī*, М *nīwē* ‘девяносто’ (Дыбо 1974: 85; Ефимов 1986: 161; ИФЛ-1: 403; Grierson 1918: 70; ЭСИЯ 5: 518–519; NEVP: 11).

Праформа **nawāti-*, ср. др.-инд. *navati-* ‘девяносто’. Закономерный переход ударения на предпоследний слог **nawāti-* > **nawāti-* (Cheung 2009: 118). В. А. Ефимов считает, что засвидетельствованная им форма логарского диалекта *nawī* является закономерным рефлексом **nawāti-*, но не исключено, что праформу отражает именно вариант М *nīwē*, т. е. **-ati* > орм. лог. *e*, а не *i*¹³, а вторая форма — заимствование из пушту или возникло под его влиянием.

Можно видеть, что в парачи и ормури сохранились только отдельные следы окситонезы в именах, но числительные дают больший процент совпадений с первоначальным местом ударения.

II. Имена с суффиксом **-ka-*

II.1. Barytona (тип А)

По правилу контрастной акцентовки баритонированные имена с суффиксом **-ka-* образованы от основ с окситонезой.

¹³ Ср. окончание *-e* в 3 sg. praes. во всех четырех спряжениях, в связи с чем В. А. Ефимову приходится считать логарские окончания I и III спряжений аналогическими, что нельзя признать безусловно удачным решением (Ефимов 1991: 301–302).

70. Афг. *ózaŷ* m. ‘плечевая кость’ — орм. кан. EG *bazar*, M *bazar*, *bizar* ‘рука (от локтя до запястья)’ (Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 83; IFL-1: 390; Grierson 1918: 56; ЭСИЯ 2: 161–164; NEVP: 94).

Праформа для афг. *ózaŷ* — **bázuka-* < **bázú-*. Индоиранское ударение устанавливается первоначально по др.-инд. *bāhuka-* ‘плывущий (руками)’, ударение засвидетельствовано у Панини: 4, 4, 7 (Дыбо 1974: 90), производному от др.-инд. *bāhú-* ‘рука’. Впрочем, это один из случаев несогласования ударения между древнеиндийским и греческим, ср. греч. *πῆχυς* ‘локоть; рука; предплечье’, но для праиндоиранского исходная окситонеза производящей основы выглядит бесспорной. Этимологическое соответствие из ормури восходит к **bázura-*, как и афг. *wazár-* ‘крыло; плечо’ с неясными искажениями или контаминацией с другой основой (возможно, **wažaθra-* от корня **waž-* ‘летать’ < ‘ехать’). Место ударения в ормури, так или иначе, точно не засвидетельствовано.

Пар. E *bāz* ~ *bázú*, M *bāzú* ‘рука (от локтя до плеча), плечо’ — заимствование из персидского (Ефимов 2009: 177; IFL-1: 244).

71. Афг. *zámay* m. ‘зима’ ~ орм. кан. E *zímak*; лог. E *zómok*, M *zémāk* ‘зима’ ~ парачи *zéma* (вариант *zematá*) ‘зима’ (Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 128; Ефимов 2009: 252; IFL-1: 302, 409; NEVP: 102).

Праир. **zímaka-* при производящем **zímá-*, ср. авест. *zəmaKa-* ‘зимняя буря’, др.-инд. *himá-* ‘холодный; зима’. Возможно, рассматриваемые формы появились в результате прохождения через стадию с метатезой **zamika-*, на что могут указывать формы в парачи, где гласный *e* является результатом умлаута, ср. E *ger* ‘камень’ < **gari-*.

Одно из наиболее убедительных соответствий между всеми тремя языками, определенно указывающее на баритонезу. Вариант конечнослогового ударения в парачи, безусловно, вторичен (в этом отношении показательно, что В. А. Ефимов регистрирует только *zéma* для пачаганского и шутульского диалектов).

72. Афг. *máray* m. ‘труп, мертвец’ — формы причастия глагола *mr-* ‘умирать’ в ормури, образующие претеритную основу: кан. E *múl(l)ak*, G. *mul-ak* ~ *mullak*, f. *malk*, лог. E *mól(l)ok*, M *múlluk*; парачи M *múrō*, E *móru* ‘мертвый’; M *múrda*, E *morda* ‘покойник’ (Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; IFL-1: 273, 400; Grierson 1918: 68; ЭСИЯ 5: 210–211; NEVP: 51).

Сравниваемые формы так или иначе продолжают праформу причастия **mṛtaka-* < **mṛtá-*, в древнеиндийском соответствиями являются *mṛtá-* ‘мертвый’ и *mṛtaka-* ‘умерший, труп’ с незасвидетельствованным ударением. В парачи M *múrda*, E *morda* ‘покойник’ заимствовано из персидского, но ударение, вероятно, под влиянием исконного M *múrō*, E *móru* ‘мертвый’ (это же относится и к варианту *múrda*, отмеченному Г. Моргенштерне).

При рассмотрении родственных форм в ряде индоевропейских языков можно найти указания на существование то ли другого варианта ударения, то ли параллельной баритонированной основы **mṛta-* со значением ‘убийство’, ср. прагерм. **múrpa-* ‘убийство’ (др.-англ. *mord*, др.-в.-нем. *mord* ‘убийство’) < **mṛto-* (Orel 2003: 277; Kroonen 2013: 378). С сомнением сюда же можно отнести греч. *βρότος* ‘кровь из раны, запекшаяся кровь’, в отношении семантики допустимо сравнить лат. *cruior* ‘кровь (вытекшая из раны); кровопролитие, убийство; кровь, капли крови’ (OLD: 462). Др.-инд. *mṛtá-* n. ‘смерть’ указывает при этом на окситонезу, но ударение в древнеиндийском существительном может быть вторичным под влиянием причастия *mṛtá-*.

73. Афг. *tázay*, ванечи *tárza* ‘томимый жаждой, жаждущий’ — в ормури формы причастий кан. EG *tatak*, f. E *totk*, G *tōtk* от *tr-* ‘пить’; прилагательное кан. E *trának*, G *tranak*; лог. E *trónok*, M *trúnuk* ‘испытывающий жажду’; парачи E *tan*, M *thân* ‘испытывающий жажду, желающий пить; жажда’, также M *tána*, *tan* ‘испытывающий жажду’ (Дыбо 1974:

90–91; Ефимов 1986: 129, 192; Ефимов 2009: 242; PFL-1: 293–294, 410; Grierson 1918: 79; NEVP: 81).

В. А. Дыбо реконструирует для праиндоевропейского **tṛ̥suka-* < **tṛ̥sú-*. Индоевропейские соответствия, указывающие на место ударения, — др.-инд. *tṛ̥ṣú-* ‘жадный, жаждущий’; прагерм. **purzu-* < **pursú-* (др.-в.-нем. *durri*, др.-сакс. *thurri*, др.-англ. *pyrre* «с перестройкой *u*-основы в основу на *-ja-*») (Дыбо 1974: 90–91). Наиболее близкое к *táḡay* образование — безусловно, орм. *tatak* < **tṛ̥štaka-*, однако ударение не засвидетельствовано. Косвенным свидетельством в пользу ударения *tátak* могут служить близкие по форме и значению прилагательные лог. *trónok*, кан. *trának* ‘испытывающий жажду, желающий пить’, восходящие к **tṛ̥šnaka-* или **táršnaka-* с дальнейшим видоизменением под влиянием глагола *tr-* ‘пить’ или ранней метатезой. Для праиранского причастия **tṛ̥štaka-* закономерным будет баритонное ударение по контрасту, ср. др.-инд. прич. *tṛ̥ṣṭá-* при глаголе *tṛ̥ṣyati* ‘испытывает жажду’. Форма парачи *tána*, как кажется, тоже указывает на **tṛ̥šnāk(ā)-* или **táršnā(kā)-* при Е *tan*, М *than* < **táršnā-* ‘жажда’ (в древнеиндийском *tṛ̥ṣṇā-* ‘жажда’, в авестийском — *taršna-* ‘жажда’).

74. Афг. *žáway* ‘живой’ — прямого соответствия нет, в парачи Е *jánō*, *jánu*, М *jánō* ‘живой’ (Дыбо 1974: 91; Ефимов 2009: 218; PFL-1: 262; ЭСИЯ 3: 210–211; NEVP: 51).

При том, что афг. *žáway* восходит к **jṛ̥waka-* < **jṛ̥wá-* (ср. др.-инд. *jīvā-* ‘живой, живущий; животворный’), праформа для парачи — **j(i)wāntaka(hya)-*. Место первоначального ударения в парачи теоретически могло быть на втором слоге, тогда это баритонеза **j(i)wān(t)aka-*. Для данной формы трудно определить закономерное ударение.

75. Афг. *stóray* m. ‘звезда’ — орм. кан. G *stirrak*; лог. Е *stešák* ‘звезда’; парачи Е *estéč* ~ *éstěč*, М *estěč*, мн. ч. *estēcán* и *éstěčán* ‘звезда’ (Дыбо 1974: 92; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; PFL-1: 236, 407; Grierson 1918: 75; NEVP: 77).

Для пушту устанавливается праформа **stáraka-*, имеющая точную древнеиндийскую параллель *táraka-* ‘звезда’. Если форма в парачи восходит к **stár-či-*, а формы ормури — к **stār-či-kā-*, тогда окситонеза в ормури не противостоит баритонезе, засвидетельствованной в афганском, а получена по правилу контрастного ударения от **stár-či-*. В данном случае сложность с определением закономерного ударения **stár-či-* вызывает неясность изначальной акцентуации ведийского корневого имени *stár-* ‘звезда’, от которого засвидетельствована только форма InstrPl *stṛ̥bhis*.

В. А. Дыбо отметил в своей работе большое количество афганских производных имен, но данный список можно расширить. Вот лишь некоторые примеры, в которых прослеживаются этимологические связи между основами афганского, ормури и парачи.

76. Афг. *wáḡay*, ванечи *wáḡay* m. ‘колос; гроздь’ — парачи М *uḡa* ‘колос’ (ЭСИЯ-1: 269–270; NEVP 86).

Праформа **áušaka-* ‘колос’. Можно предполагать, что данная основа связана с праир. *awš-* : *uš-* ‘ухо’ или названием для овса и других злаков, ср. лит. *avižà* (3) ‘овес’, праслав. **ovьsbь* ‘овес’, лат. *aiēna* ‘овес’ (ЭСИЯ-1: 269–270). И та, и другая этимология предполагают производность по отношению к изначальное окситонированному или с подвижным ударением имени (ср. лит. *ausis* (4) ‘ухо’). Место ударения в парачи не отмечено.

77. Афг. *wáḡay*, ванечи *wárža* ‘голодный’ — парачи М *ḡúrča* ‘голодный’ (NEVP: 86–87).

Праформа **wṛ̥šaka-*; в западноиранских языках распространен вариант **wṛ̥šnaka-* (Klingenschmitt 2000: 208; Cathcart 2019: 13). В парачи ударение совпадает с афганским.

78. Афг. *wárgay* f. ‘почка’ — орм. кан. Е *ḡulkák* ‘почка’ (Ефимов 1986: 91; NEVP: 89).

Праформа **wṛ̥tkaka-* с контрастной баритонезой, ср. др.-инд. *vṛ̥kká-*, авест. *vərədka-* ‘почка’, по всей видимости, от глагола **wert-* ‘поворачивать’ (EWAia II: 571–572). Форма ормури может указывать на незакономерную окситонезу **wṛ̥tkaká-* или же второй суф-

фикс **(a)ka-* присоединился к основе с конечным ударением **wrtká-* в более позднюю эпоху развития предка ормури, когда уже не действовало древнее правило акцентовки по контрасту.

II.2. Oxytona (Тип В)

По правилу контрастной акцентовки окситонированные имена с суффиксом **-ka-* образованы от основ с баритонезой.

Здесь следует особо отметить, поскольку В. А. Дыбо не комментирует этот аспект, а он важен для сопоставления между собой фактов пушту, ормури и парачи, что в афганском и при окситонезе происходит перенос ударения на предпоследний слог с дальнейшим усечением последнего слога **-ka* до *-y*. Похожие процессы наблюдаются также в парачи и ормури.

79. Афг. *trauáú* m. ‘раб, невольник’ — орм. кан. E *mrík*, G *mrīg* ~ *mrík*, pl. *mradzī* ‘раб, невольник, слуга’ (Дыбо 1974: 93; Ефимов 1986: 129; ЭСИЯ 5: 217–218; NEVP: 52).

Оба слова восходят к праформе **maryaká-* < **márya-*, ср. др.-инд. *márya-* ‘молодой мужчина; жених; молодой женатый мужчина’, авест. *ma'riia* ‘мужчина (дэвовское слово); лжец; негодяй, подлец’ и др.-инд. *maryaká-* ‘человечек’. Среди иранских соответствий стоит отметить др.-перс. *marika* ‘человек из свиты, подданный’, ср.-перс. *mylk* /*mērag*/ ‘молодой человек, состоявшийся в обществе; муж’, бактр. *μαρηγο* [*marēg/γ*] ‘раб, слуга’ (ЭСИЯ 5: 217–218).

По всей видимости, данная основа в ормури претерпела следующие изменения: **maryaká-* > **mariká-* > **məríká-* > **mərík* > *mrík*. Переход ударения с третьего на второй слог с дальнейшим усечением последнего слога в основах на **-ka* стандартен для ормури (как и для парачи), но старое место ударения все равно надежно устанавливается благодаря синкопе первого слога.

Безусловно, подобное безупречное совпадение по форме и значению между ормури и афганским может заставлять подозревать древнее заимствование из афганского в ормури, но в свете всех имеющихся данных по многочисленным схождениям между языками¹⁴ это скорее древняя изоглосса, поддерживаемая важным бактрийским соответствием с аналогичным значением.

80. Афг. *nwasáy* m. ‘внук’ — парачи E *nawá*, M *nawá* ‘внук’ (Дыбо 1974: 94; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; ПФЛ-1: 273, 400; ЭСИЯ 5: 210–211; NEVP: 51).

В. А. Дыбо реконструирует **naptraká-*, но Д. И. Эдельман отмечает, что более вероятна реконструкция **napā(t)saká-*, в ее формулировке — «ном. **napāts* > **napās* с наращением суффикса *-aka*» (ЭСИЯ 5: 473). Относительно пар. *nawá* Г. Моргенштерне полагает, что это прямое продолжение праформы **nápāt-* с переносом ударения на тяжелый слог с долгим гласным, но возможно и отражение **napātaká-* или *napā(t)saká-*, соответственно, слова афганского и парачи могут быть продолжением одной праформы.

Парачи *net* ‘внучка’ является примечательным словом, отражающим древнее имя **naptí-* или **naptī-*, ср. др.-инд. *naptí-* ~ *naptī-*, авест. *naptī-* ‘дочь, племянница’; в других средне- и новоиранских языках его прямое продолжение не сохранилось.

Засвидетельствованные в ормури формы кан. M *nwasai* и лог. M *nwasái* ‘внук’ явно заимствованы из пушту (ПФЛ-1: 413; ЭСИЯ 5: 473).

81. Афг. *wráy* m. ‘ягненок’, f. *wráy* — парачи M *γarō* ‘ягненок, овца’, gen. sg. *γarwika* < **waraká-* (Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; ПФЛ-1: 256; NEVP: 91).

¹⁴ В пользу унаследованного характера слова говорит также тот факт, что форма множественного числа устроена архаичным образом с аблаутом.

Окситонеза **waraká-* образована по правилу контрастного ударения от вед. *úrān-*, *úrāṇa-* ‘ягненок’ и продолжает более раннюю иранскую праформу **warnká-* (Hoffmann 1992: 791–792). Производное в парачи М *mogorúk* ‘овца’ (IFL-1: 271) может дополнительно указывать на происхождение от основы с суффиксом *-ka*, хотя неясно происхождение *r* в этой форме (< праир. **-rt-*, **-rd-* ?).

82. Афг. *axšáy* м. ‘шурин, зять’ — орм. кан. EG *xsir*; лог. М *xusúr* ‘свекор, тесть’; парачи М *xásur* ~ *xasúr* ‘свекор’ (Дыбо 1974: 94; Ефимов 1986: 146; IFL-1: 300, 413; Grierson 1918: 65; ЭСИЯ 3: 487–488; NEVP: 12).

Праформой для пушту должна служить **(ā)-hwaśruká-* или **(ā)-hwaśuryaká-* при производящей основе **hwásura-*, ср. др.-инд. *śvásaśura-* ‘свекор’, герм. **swéhuraz* ‘свекор’ (др.-в.-нем. *swehur*, др.-англ. *sweor*). Формы ормури и парачи являются заимствованиями, хотя и приведены в «Этимологическом словаре иранских языков» как исконные. Они не только фонетически напоминают соответствующее дари *xusur* ‘свекор’, но и имеют морфологические признаки, сопутствующие заимствованным словам: орм. *xōšāi* имеет суффикс афганского типа, а орм. *xsir* образует множественное число *xsiráni*, подобно таким очевидным заимствованиям, как *insān* ‘человек’, pl. *insānāni* (Ефимов 1986: 146).

83. Афг. *zyaráy* ‘желтый, бледный’, *zēṛáy* м. ‘желтуха (болезнь); желток яйца’ — парачи Е *zíta*, М *zītō* ~ *zítu* ~ *zíta* ‘желтый’ (Дыбо 1974: 95; Ефимов 1997: 472; IFL-1: 303; NEVP: 104).

Праформа **zaritaká-*, образованная от уже обсуждавшейся выше основы **záríta-*. В парачи *zíta* является прямым продолжением **záríta-* и, вероятно, влияет на ударение в форме *zītō* < **zaritaka(hya)-*.

Следует отметить, что и список окситонированных основ также может быть расширен, вот лишь один пример:

84. Афг. *māžáy*, ванечи *merža* м. ‘муравей’ — орм. кан. Е *marcōi*, GM *mārcōi* ‘муравей’; парачи М *mīčō* (Ефимов 1986: 70; IFL-1: 270, 400; Grierson 1918: 68; ЭСИЯ 5: 246–248; NEVP: 48).

В статье В. А. Дыбо данное слово не рассматривается, вероятно, в связи с тем, что этимология затемняется вторичным *-r-*. Праформа **marwičaká-*, ударение производящей основы проследить проблематично: др.-инд. *vamrā-* ‘муравей’ с метатезой (EWAia II: 507), при этом греч. *μύρμαξ* ‘муравей’ может указывать на баритонезу.

Форма логарского диалекта М *turčá* является заимствованием из персидского (IFL-1: 400).

В ормури и парачи есть также некоторое количество производных основ на **-ka*, указывающих на окситонезу, но не имеющих афганских соответствий. Например, можно отметить такие случаи:

Орм. кан. Е *wak*, лог. Е *wok*, ‘вода’ < **āwáka-* < **āpáka-*, производящее **ápa-*, ср. др.-инд. *ápa-* ‘вода’ наряду с корневым именем *áp-*;

Орм. лог. Е *daská* ‘шерстяная нить’ < ‘скрученная из десяти нитей’ < праир. **daśka-* ‘десятка’, уверенно возводится к праир. **daśaká-* < **dása-* ‘десять’ и т. д. (Ефимов 1985: 53–56; Ефимов 1986: 129–131).

Приведенные данные показывают, что в парачи и ормури акцентуация имен на **-aka* сохранилась лучше, чем акцентуация непродуцированных основ.

III. Глаголы

Глаголы в ормури обнаруживают различие в акцентуации между окситонированными и баритонированными основами, рассмотренное специально в работе Ефимов

1979. Ударение глаголов в парачи устроено в соответствии с теми же принципами и исследуется в соответствующем разделе обзора Ефимов 1997. Следует отметить, что этимологических соответствий между глаголами и конкретными глагольными основами в афганском, ормури и парачи относительно немного. Далее будут рассмотрены только некоторые случаи — вопрос требует отдельного рассмотрения.

III.1. Баритонеза

85. Афг. *wúzi*, inf. *watál* ‘выходит, выступает’ < *vázäi < *váza'ti* — орм. кан. Е $\gamma^wáz-$, G $\gamma waz-$; лог. Е $\gamma óz-$, М $\gamma ūz-$ ‘падать’ (Дыбо 1989: 110; Ефимов 1986: 182, 187; IFL-1: 396–397; Grierson 1918: 61; NEVP: 94; Cheung 2007: 429–432).

Праформа *wázati, ср. др.-инд. *váhati* I ‘везет, переправляет, ведет, приносит’.

86. Афг. *žáři*, inf. *žārál* ‘плачет’ < *žáräi < **žára'ti* — парачи *jař-*, основа претерита *jaří-* ‘говорить’, 1 sg. aor. *jařém*, 3 sg. pret. *jaři* ~ *jaři* (Дыбо 1989: 110; Ефимов 2009: 204; IFL-1: 262–263; NEVP: 105; Cheung 2007: 106).

В. А. Дыбо сравнивал афганские формы с др.-инд. *járata* ‘звучит, кричит, зовет’. Дж. Ченг относит данный глагол с вопросом к корню **gard-*, что правдоподобно ввиду ретрофлексного *r* (Cheung 2007: 106), хотя его происхождение можно искать в претеритальной основе (NEVP: 105). В парачи ударение неясно, но отчетливо тяготеет к окситонезе. Таким образом, при общем происхождении глаголы пушту и парачи демонстрируют несоответствие в акцентровке.

87. Афг. *árwi* ~ *áwri*, inf. *awredál* ‘слышит’ < *árwäi < **hárwa'ti* — парачи Е *harw-* : *harwí* ‘слышать’, 1 sg. aor. *hárwem* ~ *harwém* (Дыбо 1989: 112; Ефимов 2009: 204; IFL-1: 260; ЭСИЯ 2: 367–369; NEVP: 10; Cheung 2007: 129–130).

Авест. *hauruuati* ‘заботится, охраняет’. В парачи наблюдается колебание в ударении презентной основы. Интересно, что в тексте, записанном Г. Моргенштерне, отмечена форма *hárwē* ‘слышал’. Не исключено, что изначальной является именно баритонеза. Важная изоглосса между авестийским, афганским и парачи (ЭСИЯ 2: 367–369).

88. Афг. *wáli*, inf. *wištál* ‘бросает, ударяет, стреляет, поражает’ < *wáläi < **wíd'ya'ti* — парачи Е $\gamma ošt-$, М $\gamma uh-$: $\gamma ušt-$ ‘бросать; класть, помещать’, 1 sg. aor. *γuhém* (Дыбо 1989: 113; Ефимов 2009: 199; IFL-1: 255; NEVP: 87).

Др.-инд. *vidhyati* ‘прокалывает, попадает, ранит, вредит’. В парачи незакономерная окситонеза.

Таким образом, между афганским и ормури и/или парачи прослеживается только одно надежное этимологическое соответствие с одинаковой акцентуацией: афг. *wúzi*, inf. *watál* ‘выходит, выступает’ — орм. лог. Е $\gamma óz-$, М $\gamma ūz-$, кан. Е $\gamma^wáz-$, М γ^waz- ‘падать’.

При этом как в ормури, так и в парачи засвидетельствованы баритонированные основы иранского происхождения, например, орм. лог. кан. Е *zán-* ‘бить’, парачи Е *janem* ‘бить’ < *jánäi < *jánati; орм. лог. Е $\gamma óš-$, кан. Е γ^was- ‘говорить’ < *wáxšyati; парачи Е $\gamma áf-$ ‘ткать’ < *wáfati (Ефимов 1986: 179; Ефимов 1997: 473).

III.2. Окситонеза

89. Афг. *ždi*, inf. *kše-ždál*, *kše-šowál* < *ždí < *arzái < *harzáiti ‘кладет’ — орм. кан. Е $\check{z}-$ ‘оставлять’; лог. Е $g-\check{z}$ ‘класть’ (Дыбо 1989: 119–120; Ефимов 1986: 179; IFL-1: 394; Cheung 2007: 132–133).

Основы презенса являются окситонированными как в афганском, так и в ормури и представляют отличную параллель. Причастия в ормури имеют ожидаемую бари-

тонную акцентровку по контрасту: лог. Е *wótok*, М *wútuk*, кан. EGM *hatak* < **hr̥žtaka-* < **hr̥žtá-*.

Др.-инд. *srjāti* VI ‘освобождает, отпускает; позволяет, бросает; льет, проливает’.

90. Афг. *wrí*, inf. *wrál* ‘несет, уносит, переносит’ — орм. кан. лог. ЕМ *war-*, G *w^r* ‘нести’, претеритальная основа кан. Е *wúlak*, G *w^llak*, лог. Е *wólok*, М *wúluk* ‘приносить’; парачи *bar-* : *boṛ-* ‘нести’, 1 sg. aor. Е *barém* (Дыбо 1989: 119–120; Ефимов 1986: 179; Ефимов 2009: 175; Ефимов 2011: 304; ПФЛ-1: 242, 411; Grierson 1918: 81; ЭСИЯ 2: 84–87; NEVP: 92; Cheung 2007: 132–133).

По мнению В. А. Дыбо, афганские данные указывают на перестройку атематической парадигмы типа др.-инд. 3 л. ед. ч. *bhárti*, 3 л. мн. ч. *bhránti* ‘нести’ с появлением вторичной нулевой ступени. Пушту и ормури показывают несовпадение основ: орм. *war-* восходит к **ā-bar-*, по всей видимости, с акцентуацией *ā-bárati, свойственной для тематической основы I класса.

Парачи *bar-/boṛ-* также отражает, вопреки (Ефимов 1997: 473), колебание между баритонезой и окситонезой. Не исключено, что в истории и этого языка происходила замена атематического типа тематическим, которая в отдельных глаголах привела к сосуществованию двух типов основ, в данном случае *bárati ~ *bárti.

91. Афг. *kāṇéy* ‘делает’ (2 pl. imper. от *kawál* ‘делать’) — парачи *kan-* ‘делать’, ср. 1 sg. aor. *kaném* (Дыбо 1989: 122–123; Ефимов 2009: 206–207; ПФЛ-1: 266; ЭСИЯ-4: 246–251; NEVP: 40; Cheung 2007: 236–238).

Основа может быть сопоставлена с др.-инд. *kṛnóti* ‘делает’.

92. Афг. *kawí*, inf. *kawál* ‘делает, создает, творит’ < *karvái < *karvāti — орм. кан. Е *k-* *kaw-* *kay-* ‘делать’; лог. Е *k-* (Дыбо 1989: 123; Ефимов 1986: 179; ПФЛ-1: 398; NEVP: 40).

Возможно, соотносится с локальным др.-инд. *karóti* (AV) ‘делает’. Данное сопоставление между пушту и ормури привлекает особое внимание: глагол ‘делать’ образован от одной основы, внутри иранских языков нет других соответствий, продолжающих праформу *karwāti. Рассматриваемое соответствие может быть важной изоглоссой между ормури и афганским, если только формы ормури не заимствованы из пушту, а те, в свою очередь, — из индийских языков (ПФЛ-1: 398; Ефимов 1986: 193).

93. Афг. *larí*, inf. *larál* ‘имеет, владеет; хранит, сохраняет’ < *larái < *daráyati или *dāráyati — орм. кан. лог. EGM *dar-* ‘иметь’, лог. 1 sg. aor. М *darím* ‘имею’; парачи Е *dēr-* ~ *dér-* ‘иметь’, 1 sg. aor. Е *dérem* (Дыбо 1989: 123–124; Ефимов 1986: 182; Ефимов 1997: 473; Ефимов 2009: 187; ПФЛ-1: 250, 393; Grierson 1918: 57; ЭСИЯ-2: 332–335; NEVP: 44; Cheung 2007: 57–59).

Праформа *dāráyati подтверждается др.-инд. *dhāráyati* ‘держит, несет, сохраняет’. В парачи форма *dérem* < *dārayami с вторичной баритонезой.

94. Афг. *lwaní*, inf. *lustál* ‘сыплет, рассыпает, посыпает; брызгает, разбрызгивает; опрыскивает’ < *dwanái < *dwanáyati — орм. кан. лог. EGM *ban-* 1 sg. aor. М *baním* ‘бросать’ (Дыбо 1989: 123–124; Ефимов 1986: 182; Ефимов 1997: 473; Ефимов 2009: 187; ПФЛ-1: 250, 393; Grierson 1918: 55; ЭСИЯ-2: 494–496; NEVP: 44; Cheung 2007: 83).

Сравнивается с авест. *dwaṇayati* ‘взлетать вверх’, возможно, с др.-инд. *dhvaṃsáyati* ‘сыплет, рассыпает, разбрасывает, рассеивает’ и др.-инд. *dhvasáyati* ‘брызгает, прыскает, моросит’ (Дыбо 1989: 124).

В ормури безударная основа IV класса, соответственно, она отражает окситонезу.

Данное сближение между ормури и афганским имеет дополнительное значение для уточнения места парачи и ормури среди иранских языков: надежные продолжения основы **dwan-* встречаются только в восточноиранских языках (ЭСИЯ 2: 494–495; Cheung 2007: 83). Кроме того, как отмечает В. А. Дыбо, только в афганском, ормури и, возможно, хотаносакском наблюдается рефлекс короткого *a* (Дыбо 1989: 124).

Наконец, только три бесприставочных глагола в афганском относятся В. А. Дыбо к типу с подвижным ударением (Дыбо 1989: 133–135). Один из них имеет соответствие в ормури и парачи.

Афг. *leži*, inf. *lažál*, *lašál* ‘грузит; посылает, отсылает, отправляет, направляет’, но ср. *aw leži ye* ‘и отправляет его’, *aw leži mi* ‘и отправляет меня’ < *leži < *leži < *darzáyati — орм. кан. Е *daž-*, G *daž-yek* ‘грузить’; парачи Е *derz-*, 1 sg. aor. *derzém*, 1 sg. pret. *deržím* ‘погружать на спину’ (Дыбо 1989: 134–135; Ефимов 1986: 69; PFL-1: 251, 393; Grierson 1918: 58; ЭСИЯ 2: 365–367; Cheung 2007: 62–64).

Первоначальное место ударения наблюдается в древнеиндийском и в других индо-европейских языках не засвидетельствовано (Дыбо 1989: 135).

После данного обзора, который вовсе не претендует на полноту, можно констатировать, что в целом акцентуационные системы пушту, ормури и парачи определенно указывают на историческую идентичность акцентуации. Несовпадения между ормури и парачи и афганским встречаются (наиболее системный случай — переход двусложных имен в парачи и ормури в баритонезу из окситонезы), но в целом акцентные парадигмы в рассматриваемых языках сводимы к общему источнику.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в пушту, парачи и ормури зачастую представлены производные с различными суффиксами; однако правило контрастного ударения позволяет проследить исходную акцентуацию. Некоторые основы также испытывали влияние соседних языков, соответственно, спорен их статус как унаследованных.

Описанная ситуация, как представляется, позволяет упрочить вывод о генетическом положении ормури и парачи среди иранских языков. Безусловно, сам по себе факт сохранения в этих языках разноместного ударения ведийского типа, хотя и менее последовательного, чем в афганском, не может быть свидетельством в пользу генетической классификации, потому что является архаизмом, а не общей инновацией. Но сохранение осколков подобной акцентуационной системы разводит ормури и парачи с западными иранскими языками, утратившими ее на самом раннем этапе, и помещает в ряд восточноиранских языков, также в разной степени сохраняющих ее следы (пушту, мунджанский и йидга). Если учесть тот факт, что именно с этими же языками у ормури и парачи имеются многочисленные лексические и морфологические изоглоссы, можно считать сходение парачи и ормури с афганским дополнительным аргументом в пользу их восточноиранского происхождения¹⁵.

Литература

- Абаев, В. И. 1924. Об ударении в осетинском языке. *Доклады российской академии наук. Серия Б*: 152–155.
 Абаев, В. И. 1958–1995. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I: А-К; Т. II: L-R; Т. III: S-T; Т. IV: U-Z. Москва / Ленинград: Издательство АН СССР.
 Асланов, М. Г. 1966. *Афганско-русский словарь (пушту)*. Москва: Советская энциклопедия.
 Герценберг, Л. Г. 1981. Об афганском ударении. *Иранское языкознание. Ежегодник 1980*. Москва: 48–56.

¹⁵ Я употребляю традиционные термины «западноиранские» и «восточноиранские» языки исключительно в целях удобства: А. Корн показала, что иранская общность должна члениваться не так, как предполагалось при традиционном подходе (Korn 2016; Korn 2019), а для древнейшей эпохи в истории иранских языков может иметь большее значение разделение на центральные и периферийные иранские диалекты. Соответственно, говоря о «восточноиранском» происхождении ормури и парачи, я подразумеваю их генетическую близость к ряду языков, относящихся в традиционной модели к восточноиранским.

- Грюнберг, А. Л. 1987. *Очерк грамматики афганского языка (пашто)*. Ленинград: Наука.
- Грюнберг, А. Л., Д. И. Эдельман. 1987. Афганский язык. В кн.: В. И. Абаев, М. Н. Боголюбов, В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа*: 6–154. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1961. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. *Вопросы славянского языкознания* 5: 9–34.
- Дыбо, В. А. 1970. О рефлексах индоевропейского ударения в афганском. В кн.: *Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания*: 10–14. Москва: Институт языкознания АН СССР.
- Дыбо, В. А. 1972. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках. В кн.: С. Б. Бернштейн (ред.). *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12–14 декабря): Предварительные материалы*: 38–44. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1974. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. I. Именная акцентуация. В кн.: Т. М. Судник (ред.). *Балто-славянские исследования*: 67–105. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1989. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. II. Глагольная акцентуация. В кн.: Н. И. Толстой (ред.). *Славянский и балканский фольклор. Прология: Сборник статей*: 106–147. Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1990. О ритмической концепции Л. Г. Герценберга в пуштунской акцентологии. В кн.: В. М. Гусалов (ред.). *Вопросы иранистики и алановедения (Научная конференция, посвященная 90-летию В. И. Абаева). Владикавказ, 18–20 октября 1990 г. Тезисы докладов*: 10–12. Владикавказ: Северо-Осетинский НИИ ИФЭ.
- Дыбо, В. А. 2007. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (в защиту концепции Х. Педерсена). В кн.: И. С. Смирнов (ред.). *Аспекты компаративистики* 2: 11–27. Москва: РГГУ.
- Дыбо, В. А. 2011. Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии. В кн.: Е. К. Молчанова (ред.). *Лексика, этимология, языковые контакты: к юбилею доктора филологических наук, профессора Д. И. Эдельмана*: 92–167. Москва: Тезаурус.
- Дыбо, В. А. 2016. Акцентная система пракельтского языка на фоне акцентных систем других северо-западных индоевропейских языков. *Вопросы языкового родства* 14: 29–57.
- Ефимов, В. А. 1976. Общие черты эволюции категории рода в иранских языках (на материале существительных и прилагательных). В кн.: В. С. Расторгуева (ред.) *Иранское языкознание: история, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И. Абаева)*: 23–34. Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1979. О некоторых архаических чертах морфологической структуры презенса в ормури. В кн.: *Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Душанбе. 12-15 ноября 1979 г.). Тезисы докладов и сообщений*. Москва: Издательство АН СССР.
- Ефимов, В. А. 1985. Ударение в языке ормури. *Индоиранское языкознание. Ежегодник 1981*. Москва: 31–64.
- Ефимов, В. А. 1986. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1991. Ормури. В кн.: В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа I*: 247–315. Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1997. Парачи. В кн.: В. А. Ефимов (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа II*: 419–560. Москва: Восточная литература РАН.
- Ефимов, В. А. 2009. *Язык парачи*. Москва: Восточная литература.
- Соколова, В. С. 1967. *Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение.
- Трофимов, А. А. 2014. К проблеме реконструкции и.-е. **kušep-* ‘ночь’. *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XIX*: 899–909.
- Трофимов, А. А. 2019. О рефлексах праиндоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни. *Вопросы языкового родства* 17: 341–348.
- Трофимов, А. А. 2021. Ударение множественного числа имен с показателем *-ān* в парачи и его связь с праиранской акцентуацией. *Вопросы языкового родства* 19: 210–231.
- Трофимов, А. А. 2022. Наблюдения над ударением в пушту, парачи и ормури. В кн.: *Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868): материалы XI Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–25 ноября 2021 г.)*: 114–121. Москва: Издательство МГУ.
- Цаболов, Р. Л. 2010. *Этимологический словарь курдского языка Т. II. Н-З*. Москва: Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения.

- Эдельман, Д. И. 1985. К характеристике общеиранской акцентной системы. *Иранское языкознание. Ежегодник* 1981. Москва: 75–85.
- ЭСИЯ = Расторгуева В. С., Д. И. Эдельман. 2000-. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва: Восточная литература РАН.

References

- Abaev, Vasily I. 1924. Ob udarenii v osetinskom jazyke. *Doklady rossijskoj akademii nauk. Serija B*: 152–155.
- Abaev, Vasily I. 1958–1995. *Istoriko-étimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka*. Vol. I: A-K; Vol. II: L-R; Vol. III: S-T; Vol. IV: U-Z. Moskva / Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Aslanov, Martiros G. 1966. *Afgansko-russkij slovar (pushtu)*. Moskva: Sovetskaja énciklopedija.
- Bailey, Harold W. 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge / London / New York / Melbourne: Cambridge University Press.
- Bartholomae, Christian. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Truebner.
- Bečka, Jiří. 1969. *A Study in Pashto Stress (Dissertationes Orientales, 12)*. Prague: Oriental Institute in Academia.
- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden / Boston: Brill.
- BR = Böhtlingk, Otto, Rudolph Roth. 1855–1875. *Sanskrit Wörterbuch, herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von Otto Böhtlingk und Rudolph Roth*. 7 Bde. St.-Petersburg: Eggers.
- Cabolov, Ruslan L. 2010. *Étimologičeskij slovar' kurdsogo jazyka*. Vol. II. N-Z. Moskva: Ros. akad. nauk. Institut Vostokovedenija.
- Cathart, Chundra A. 2022. Dialectal layers in West Iranian: a Hierarchical Dirichlet Process Approach to Linguistic Relationships. *Transactions of the Philological Society* 130: 1–31.
- Cheung, Johnny. 2007. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden / Boston: Brill.
- Cheung, Johnny. 2009. Selected Pashto problems. I: The accent in Pashto. *Persica* 23: 109–121.
- Cheung, Johnny. 2011. Selected Pashto problems II. Historical phonology 1: On vocalism and etyma. *Iran and Caucasus* 15: 169–205.
- Dybo, Vladimir A. 1961. Sokrashčenie dolgot v kel'to-italijskix jazykax i ego znachenie dl'a balto-slav'anskoj i indoevropskoj akcentologii. *Voprosy slav'anskogo jazykoznanija* 5: 9–34.
- Dybo, Vladimir A. 1970. O refleksax indoevropskogo udarenija v afganskom. In: *Aktual'nyje voprosy iranistiki i sravnitel'nogo indoevropskogo jazykoznanija*: 10–14. Moskva: Institut jazykoznanija RAN / Nauka.
- Dybo Vladimir A. 1972. O refleksax indoevropskogo udarenija v indoiranskix jazykax. In: S. B. Bernshtein (ed.). *Konferencija po sravnitel'no-istoričeskoj grammatike indoevropskix jazykov (12–14 dekabr'a): Predvaritel'nye materialy*. Moskva: Nauka.
- Dybo, Vladimir A. 1974. Afganskoe udarenie i ego znachenie dl'a indoevropskoj i baltoslav'anskoj akcentologii. I. Imennaja akcentuacija. In: T. M. Sudnik (ed.). *Baltoslav'anskie issledovanija*: 67–105. Moskva: Nauka.
- Dybo, Vladimir A. 1989. Afganskoe udarenie i ego znachenie dl'a indoevropskoj i baltoslav'anskoj akcentologii. II. Glagol'naja akcentuacija. In: N. I. Tolstoj (ed.). *Slav'anskij i balkanskij fol'klor. Prosodija. Sbornik statej*: 106–147. Moskva: Nauka.
- Dybo, Vladimir A. 1990. O ritmicheskoj koncepcii L. G. Gercenberga v pushtunskoj akcentologii. In: V. M. Gusalov (ed.). *Voprosy iranistiki i alanovedenija (Nauchnaja konferencija, posv'ashčennaja 90-letiju V. I. Abaeva)*. Vladikavkaz, 18–20 okt'abr'a 1990 g. *Tezisy dokladov*: 10–12. Vladikavkaz: Severo-Osetinskij NII IFÉ.
- Dybo, Vladimir A. 2007. Refleksy indoevropskix slogovyx dolgix plavnyx i nosovyx v kel'to-italijskix jazykax (V zashchitu koncepcii H. Pedersena). In: I. S. Smirnov (ed.). *Aspekty komparativistiki* 2: 11–27. Moskva: RSUH Publishers.
- Dybo, Vladimir A. 2011. Drevneindijskij akcent v dardskom jazyke shina kak problema indoevropskoj akcentologii. In: E. K. Molchanova (ed.). *Leksika, étimologija, jazykovye kontakty: k jubileju doktora filologičeskix nauk, professora D. I. Édel'man*: 92–167. Moskva: Thesaurus.
- Dybo, Vladimir A. 2016. Akcentnaja sistema prakel'tskogo jazyka na fone akcentnyx sistem drugix severo-zapadnyx indoevropskix jazykov. *Journal of Language Relationship* 14: 29–57.
- Édel'man, Dzhoy I. 1985. K karakteristike obshčeiranskoj akcentnoj sistemy. *Iranskoe jazykoznanie. Ezhegodnik* 1981. Moskva: 75–85.

- Efimov, Valentin A. 1976. Obshchie cherty évol'ucii kategorii roda v iranskix jazykax (na materiale sushchestvitel'nyx i prilagatel'nyx). In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Iranskoe jazykoznanie: istorija, étimologija, tipologija (k 75-letiju prof. V. I. Abaeva)*: 23–34. Moskva: Nauka.
- Efimov, Valentin A. 1979. O nekotoryx arxaicheskix chertax morfoložičeskoj struktury prezensa v ormuri. In: *Soveshčanie po obshchim voprosam dialektologii i istorii jazyka (Dushanbe. 12-15 nojabr'a 1979 g.)*. Tezisy dokladov i soobshčenij. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Efimov, Valentin A. 1985. Udarenie v jazyke ormuri. *Indoiranskoe jazykoznanie. Ezhegodnik 1981*. Moskva: 31–64.
- Efimov, Valentin A. 1986. *Jazyk ormuri v sinxronnom i istoričeskom osvješhenii*. Moskva: Nauka.
- Efimov, Valentin A. 1991. Ormuri. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskije jazyki. Severo-zapadnaja grupa I*: 247–315. Moskva: Nauka.
- Efimov, Valentin A. 1997. Parachi. In: V. A. Efimov (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskije jazyki. Severo-zapadnaja grupa II*: 419–560. Moskva: Vostochnaja literatura RAN.
- Efimov, Valentin A. 2009. *Jazyk parachi*. Moskva: Vostochnaja literatura.
- Efimov, Valentin A. 2011. *The Ormuri language in Past and Present. English translation edited by Joan L. G. Baart. FLI language and culture series (Volume 6)*. Islamabad: Forum for Language Initiatives.
- ÉSIJa = Rastorgueva, Vera S., Dzhoy I. Édel'man. 2000-. *Étimologičeskij slovar' iranskix jazykov*. Moskva: Vostochnaja literatura RAN.
- EVP = Georg Morgenstierne. 1927. *An Etymological Vocabulary of Pashto*. Oslo: Jacob Dybwad.
- EWAia = Manfred Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen. I–III Bde*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Furnée, Edzard J. 1972. *Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen: mit einem Appendix über den Vokalismus*. The Hague / Paris: Mouton.
- Gauthiot, Robert. 1918. De l'accent d'intensité iranien. *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris* 20: 1–25.
- Gauthiot, Robert. 1914–1923. *Essai de grammaire sogdienne. I. Phonétique*. Paris: Paul Geuthner.
- Gercenberg, Leonard G. 1981. Ob afganskom udarenii. *Iranskoe Jazykoznanie. Ezhegodnik 1980*. Moskva: 48–56.
- Gershevitch, Ilya. 1949. Iranian notes. *Transactions of the Philological Society* 47: 61–68.
- Gershevitch, Ilya. 1954. *A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Grjunberg, Aleksandr L. 1987. *Očerki grammatiki afganskogo jazyka (pashto)*. Leningrad: Nauka.
- Grjunberg, Aleksandr L., Dzhoy I. Édel'man. 1987. Afganskij jazyk. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskije jazyki: Vostochnaja grupa*: 6–154. Moskva: Nauka.
- Hallberg, Daniel G. 2004. *Sociolinguistic survey of Northern Pakistan. Volume 4. Pashto. Waneci. Ormuri*. 2nd edition. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, Quaid-i-Azam University and Summer Institute of Linguistics.
- Henning, Walter B. 1941. The disintegration of the Avestic studies. *Transactions of the Philological Society* 41: 40–56.
- Hirt, Hermann. 1895. *Der indogermanische Akzent*. Strassburg: Trübner.
- Hoffmann, Karl. 1992 (1982). *Vedica. Aufsätze zur Indoiranistik III*: 767–800.
- Houtum-Schindler, Albert. 1884. Beiträge zum kurdischen Wortschatze. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 38: 43–116.
- IEW = Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: French & European Publications.
- Kieffer, Charles M. 1989. Le parāčī, l'ōrmuī. In: Rüdiger Schmitt (ed.). *Compendium linguarum Iranicarum*: 445–455. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Kieffer, Charles M. 2009. Parachi. In: Gernot L. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*: 693–720. London / New York: Routledge.
- Klingenschmitt, Gert. 2000. Mittelpersisch. In: Bernhard Forssman, Robert Plath (eds.). *Indoirisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen*: 191–230. Wiesbaden: Reichert.
- Korn, Agnes. 2016. A partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyly. *Indogermanische Forschungen* 121: 401–434.
- Korn, Agnes. 2019. Isoglosses and subdivisions of Iranian. *Journal of Historical Linguistics* 9: 239–281.
- Kroonen, Guus. 2013. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden / Boston: Brill.
- Kümmel, Martin J. 2016. *syá- im Indoiranischen: Zahlwort und Demonstrativum? In: Andrew M. Bird, Jessica DeLisi, Mark Wenthe (eds.). *Tavet tat satyam. Studies in honor of Jared S. Klein on the occasion of his seventieth birthday*: 179–190. Ann Arbor / New York: Beech Stave Press.

- Kuryłowicz, Jerzy. 1958. *L'accentuation des langues indo-européennes*. Wrocław / Kraków: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Kuryłowicz, Jerzy. 1964. L'accentuation en vieil iranien. In: *Indo-Iranica. Mélanges présentés à Georg Morgenstierne à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire*: 103–107. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Kuryłowicz, Jerzy. 1975. L'accent du mot en v.-iranien. In: Jacques Duchesne-Guillemin, Pierre Lecoq, Jean Kellens (eds.). *Monumentum H. S. Nyberg. I*: 499–507. Téhéran-Liège: Bibliothèque Pahlavi.
- Leech, Robert. 1843 (1838). Epitome of the Grammars of the Brahuiky, the Balochky and Panjabi Languages: With Vocabularies of The Baraky, Pashi, Laghmani, Cashgari, Teerhai and Deer. *Journal of the Asiatic society of Bengal* 7: 711–732.
- Mayrhofer, Manfred. 1989. Vorgeschichte der iranischen Sprachen; Uriranisch. In: R. Schmitt (ed.). *Compendium linguarum Iranicarum*: 445–455. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Meillet, Antoine. 1900. La déclinaison et l'accent d'intensité en perse. *Journal Asiatique* 15: 254–277.
- Morgenstierne, Georg. 1926. *Report on a linguistic mission to Afghanistan*. Oslo: H. Aschehoug & Co.
- Morgenstierne, Georg. 1929. *Indo-Iranian frontier languages. Volume I. Parachi and Ormuri*. Oslo: H. Aschehoug & Co.
- Morgenstierne, Georg. 1942. Archaisms and innovations in Pashto Morphology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap* 12: 88–114.
- Morgenstierne, Georg. 1973. Traces of Indo-European Accentuation in Pashto? *Norwegian Journal of Linguistics (formerly Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap)* 27: 61–65.
- Morgenstierne, Georg. 1974. *Etymological Vocabulary of the Shughni group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Morgenstierne, Georg. 1983. Bemerkungen zum Wort-Akzent in den Gathas und im Paschto. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 42: 167–175.
- Mylius, Klaus. 1975. *Wörterbuch Sanskrit-Deutsch*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, VEB.
- NEVP = Georg Morgenstierne. 2003. *A new etymological vocabulary of Pashto by Georg Morgenstierne; compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Novák, L'ubomír. 2013. *Problem of Archaism and Innovation in the Eastern Iranian Languages*. PhD. Diss. Charles University.
- OLD = Peter G. W. Glare. 1983. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford University Press.
- Orel, Vladimir E. 2003. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill.
- Raverty, Henry G. 1864. On the language of the Sí-áh-Pos'h Káfirs. *Journal of the Asiatic Society of Bengal* 33: 267–278.
- Sims-Williams, Nicholas. 1984. The Sogdian 'Rhythmic Law'. In: Wojciech Skalmowski, Alois van Tongerloo (eds.). *Middle Iranian Studies. Proceedings of the International Symposium organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 17th to the 20th of May 1982*: 203–215. Leuven: Peeters.
- Sokolova, Valentina S. 1967. *Geneticheskie otnoshenija jazgul'amskogo jazyka i shugnanskoj jazykovoj grupy*. Leningrad: Nauka. Leningr. otdelenie.
- Tedesco, Paul. 1926. Ostiranische Nominalflexion. *Zeitschrift für Indologie und Iranistik* II (4): 94–166.
- Trofimov, Artem A. 2014. K probleme rekonstrukcii i.-e. *k^{sep}- 'noch'. *Indoeuropejskoje jazykoznanie i klassicheskaja filologija-XIX*: 899–909.
- Trofimov, Artem A. 2018. On the place of Parachi and Ormuri among the Iranian languages according to the data of annotated Swadesh lists. *Journal of Language Relationship* 16: 277–292.
- Trofimov, Artem A. 2019. O refleksax praindoevropejskix dolgix slogovyx sonantov v latyni. *Journal of Language Relationship* 17: 341–348.
- Trofimov, Artem A. 2021. Udarenie mnozhestvennogo chisla imen s pokazatelem -án v parachi i ego svyaz' s prairanskoj akcentuaciej. *Journal of Language Relationship* 19: 210–231.
- Trofimov, Artem A. 2022. Nabl'udenija nad udareniem v pushtu, parachi i ormuri. In: *Sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie XIX–XXI vv. K 200-letiju so dnja rozhdenija Avgusta Shlejxera (1821–1868): materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po sravnitel'no-istoricheskomu jazykoznaniju (MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskij fakultet, 23–25 nojabrja 2021 g.)*: 114–121. Moskva: MSU Publishers.

Artem Trofimov. The accent in Parachi and Ormuri compared to Pashto and its significance for the reconstruction of Proto-Iranian

In this paper, I discuss the correlations between the accentuation systems of Pashto, Parachi and Ormuri and their relation to the original Proto-Iranian accentuation system. Studies of

the Afghan language (Pashto) material have shown that the Pashto stress system retains traces of the Indo-Iranian state, that is, the oxytonized nominal and verbal bases of Pashto correspond to the oxytonized and baritonized bases in Vedic and in Proto-Iranian. This work takes into account the available material of Parachi andOrmuri, which can be directly compared with the material of Pashto. As a result of the comparison, it is established that the accentuation systems of Pashto, Ormuri and Parachi are essentially identical from a historical perspective.

If we take into consideration that it is precisely with a number of Eastern Iranian languages, retaining traces of historical stress, that Ormuri and Parachi share numerous lexical and morphological isoglosses, we can count the similarities between Parachi, Ormuri, and Pashto in the structure of their accent systems as an additional argument in favor of their Eastern Iranian origin.

Keywords: Parachi language; Ormuri language; Pashto language; stress; contrast accentuation; Old Indian language; Proto-Iranian; Proto-Indo-European.